

Верходанова Алина

18+

Послушай, это Жизнь!

Алина Андреевна Верходанова

Послушай, это Жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66472766

SelfPub; 2021

Аннотация

Нельзя читать чужой дневник. А если его хозяина уже нет в живых? А если он сам распорядился отправить тебе его после смерти? Читая чужой дневник, рискуешь узнать больше, чем хотел бы. И с этим тебе придется как-то жить.

Послушай, это жизнь. Чужая жизнь в потертой папке на твоём столе.

Алина Верходанова

Послушай, это Жизнь

Послушай, это жизнь! Закрой глаза и послушай: за этим шумом дорог, за криками и воплями улиц я слышу Жизнь, и знаешь, она похожа на биение твоего сердца.

Здравствуй

Кофе

Три, пять, восемь – код на двери в подъезд оставался неизменным уже более десятка лет. Дверь тихо скрипнула и открылась – кто-то, явно мне не знакомый, зашел в подъезд. Я с сожалением отошел от окна и поставил турку с кофе на огонь – погасла последняя надежда на гостя в этот пасмурный вечер.

Кофе получился с горечью, я вылил его в раковину, вздохнул и решил попробовать еще раз, но уже с растворимым: я так и не научился варить сносный кофе.

Поставив чайник, я подошел к окну. Начался морозящий дождь – совсем не то, о чем мечтаешь в конце декабря, но для наших широт это, к сожалению, норма. Прямо над входом в подъезд горел фонарь, но на лампочках, конечно, всегда экономят, и горит он поэтому, сколько я его помню, каким-то желтовато-печальным светом, особенно тогда, в ту кошмар-

ную морось... «Ночь, улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет...», – подумалось мне, и я понял, что Блок, конечно, смотрел на мир в те минуты из моего окна.

В желтое пятно света вошел человек, подошел к двери и замер. Мне он показался любопытным: что он делает здесь? Он не живет в моем подъезде, и пусть я не знаю поименно всех соседей, но среди них нет людей с такой вороватой осанкой... может, гость? Забыл код на двери и теперь стоит и ждет божьей благодати? А что это такое у него в руках? Не то чтобы мне было не все равно, просто делать нечего, а свою работу – перевод нового сверхмодного детектива – я закончил пару часов назад и, кажется, чуть увлекся.

Но вот мой таинственный незнакомец, наконец, как это ни прискорбно, вспомнил простой код три, пять, восемь, и его мгновенно поглотила тьма подъезда. Мне снова стало невообразимо скучно и тоскливо смотреть на желтое пятно света, и я вдруг заметил, что чайник уже больше не кипит. Живу я невысоко, на втором этаже, и потому замер, услышав осторожный писк дверного звонка.

Признаться, я слегка растерялся. Кто бы это мог быть? Кто-то из соседей (что, в общем, маловероятно) или, или...

– Кто?

– Меня зовут Сергей, и мы не знакомы.

Довольно странный ответ, тем более, если ты хочешь, чтобы тебе открыли. Наверное, именно поэтому я и открыл-таки дверь – мне стало любопытно.

На вид он был моим ровесником, хотя в остальном он мог бы служить моим антиподом: высокий и худощавый, светлые глаза неопределенного цвета (что-то между серым и голубовато-зеленым) и какой-то «стандартный», неинтересный русый цвет волос, а главное – странная и непонятная мне нерешительность во всем, по-моему, даже в мыслях.

Несколько мгновений он просто стоял и смотрел на меня в ту щелку, которую я для него открыл.

– Что вы хотели? – у меня не выдержали нервы.

– Вы Александр Волков? – говорил он так же нерешительно, как и думал.

– А вы кого ищете?

– Александра Волкова, – и тут я понял, что, похоже, он просто напуган! Или идиот.

– Да, это я, – а что еще я мог ответить? Мой сарказм наткнулся на стену его буквальности.

И вдруг он начал лихорадочно искать что-то у себя в карманах, причем во всех сразу, что, в общем-то, было довольно забавно, особенно то, как он перекладывал свою папку то в одну руку, то в другую. Ах да! Это был именно тот парень, что только что гипнотизировал мой кодовый замок, и в руках у него была папка, довольно большая, старая и затасканная. Что в ней? И зачем она ему сейчас? Или это для меня?

– Вот!

Я вздрогнул и оторвался от папки, поняв, что он что-то мне показывает.

– Вам знакома эта девушка?

Но я уже не слышал.

Она была очень желтая, эта фотография, которую он мне показывал, не старая, а именно желтая.

Я неосознанно практически вырвал ее из рук забавного пришельца и, откровенно говоря, сел на тумбу в коридоре. Буквально.

На фото была девушка, лет 20, не больше, она смеялась прямо в объектив, а глаза горели ярче, чем июльские звезды. Золотой ковер листьев, венок из них же на голове, охапка в руках, и каждое дерево в парке словно в пожаре... Я помнил ту осень, такие у нас бывают раз на десяток лет.

Я поднял глаза. Он стоял на том же месте, не осмелившись перешагнуть порог.

– Софи, – это все, что я смог ответить. Это была Софи, конечно, я не мог не узнать ее, как и не мог вспомнить, когда видел ее в последний раз.

– А, э, и? – откровенно говоря, я был растерян, хотя нет, я был в шоке, я просто Совсем, то есть Абсолютно ничего не понимал. Что он здесь делает? И что случилось? И при чем тут она? А я? Это было словно прошлое, ворвавшееся в мою жизнь. Я просто уставился на него и чувствовал себя полнейшим тупицей.

– Так что?

– Она умерла.

Тут я обомлел окончательно. Как гром среди ясного неба.

Умерла.

Словно в тумане, я встал и, распахнув дверь, сказал ему:

– Заходи.

Он немного помялся, а потом все-таки зашел и замер в прихожей. Как сквозь сон помню, что предложил ему раздеться и показал, где ванная, а сам пошел на кухню и зачем-то опять взял турку и принялся варить кофе. Софи всегда варила просто волшебный кофе. Я помешивал чернеющую жидкость и улыбался, вспоминая, как когда-то она стояла на моем месте и колдовала над этой же туркой. Забавно, кофе получился не слишком противным.

Курьер

Я достал вторую чашку и налил кофе, даже не спросив, пьет ли он его. Должен пить, если знает Софи. Знал.

Мы долго сидели молча: он, должно быть, чувствовал себя не в своей тарелке, я же был поглощен происходящим за окном, впрочем, единственное, что там происходило, – это мелкий морозящий дождь.

– Мы учились вместе, – зачем-то сказал я, может, просто чувствовал, что надо что-то сказать. В горле пересохло, и я глотнул уже чуть теплый кофе – да, он определенно не столь противен, его даже можно было пить.

– В университете?

– Что? – я почему-то не ожидал ответа, а вот мой собесед-

ник, кажется, обрадовался возможности просто что-нибудь сказать, впрочем, вполне возможно, что ему действительно было интересно.

– Вы учились вместе в университете?

– Нет, нет, еще в школе. Так что, считай, мы не видели друг друга уже 8 лет.

– Ты что же, не был ни на одной встрече одноклассников?

– Да как-то так вышло, да и ну их. А что, разве Софи на них бывала?

– На каждой.

Я лишь усмехнулся – никогда бы не подумал, хотя вряд ли я знал ее достаточно хорошо, чтобы судить об этом. Впрочем, когда-то я думал, что знаю ее отлично.

– Вы были друзьями?

– Мы? Да, наверное, нас можно было назвать друзьями. Но, если задуматься, то точнее будет – школьными приятелями.

Наша беседа ни к чему не вела, а моя чашка должна была вот-вот показать дно, и я решил:

– Сергей, а что тебя привело ко мне, да и как ты вообще обо мне узнал?

Он молча придвинул ко мне папку. Я положил на нее руку, но открывать не решился. «Не при нем», – подумал я.

– Что здесь?

– Я не знаю.

– А что же ты знаешь?

– Знаю, что в завещании она просила меня найти Александра Волкова и отдать папку ему, не вскрывая ее. Еще там был адрес десятилетней давности и код замка в подъезде. Вот и все. Я так и сделал, и теперь я здесь.

– Завещание? Никогда бы не подумал... Софи не любила думать о смерти.

– Но, согласись, юрист без завещания – абсурд!

Видимо, это была шутка, он сделал попытку улыбнуться, но получилась лишь кривая ухмылка, да и юмор был с запашком, хотя я, признаться, и не особо это заметил. Меня заинтересовало другое:

– Юрист? А разве она не пошла на психологию?

– Софи? Да ты что! Это не для нее!

– Шутишь? Впрочем, не мне судить, но должен сказать, когда-то она только об этом и говорила, да и не только она – к ней за советом сбегались все! Даже я порой этим грешил.

– Все может быть, но окончила она именно юридический.

Мы вновь замолчали, и мой взгляд невольно коснулся потертого картона папки у меня под рукой. Мой незванный гость встал и, очевидно, решил уходить, поскольку выполнил свой долг, а я, знаете ли, не собирался его задерживать.

Но когда он коснулся двери в коридор, я зачем-то спросил вслух, хотя уверен, что это прозвучало лишь в моих мыслях:

– Как она умерла?

Он не повернулся.

– Никто не знает. Диагноз – остановка сердца. Следов яда

или отравления не найдено. Заболеваний не выявлено. Она просто не проснулась.

Я слышал, как он одевался, но все еще не двигался с места, чтобы его проводить или хотя бы закрыть за ним дверь. Я очень хорошо помню свое оцепенение: мне казалось, что я вижу до боли в висках реалистичный сон, при этом не имеющий ничего общего с настоящей жизнью, той, что начнется, когда я проснусь.

Не знаю, сколько мы так просидели – я на кухне, а он в коридоре, но только мне вдруг кольнуло: надо открыть ему дверь и пусть убирается ко всем чертям. Не такого гостя я ждал сегодня, лучше бы он вообще не приходил. Я с гневом еще раз взглянул на папку и вышел вон из кухни, даже выключив за собой свет. Кофе мне допивать не хотелось.

Он стоял, переминаясь с ноги на ногу у дверей. Я молча открыл перед ним дверь нараспашку – возможно, не слишком вежливо, но зато эффективно. Мне очень хотелось, чтобы он, наконец, ушел.

– Это моя визитка, я оставляю ее тебе, вдруг что...

Я коротко кивнул и взял небольшую белую картонку с именем, адресом и несколькими телефонами, глянул раз, а потом просто бросил на тумбу для почты и газет с журналами – у меня и мысли не было, что однажды я буду искать ее среди прочих бумаг, как спасительный глоток воздуха.

Он опустил голову и, буркнув что-то вежливое на прощание, перешагнул порог.

Я уже было захлопнул за ним дверь, когда он вдруг повернулся и сказал:

– Софи умерла в ноябре, когда пришли первые морозы. Мне понадобился месяц, чтобы это понять и заставить себя прийти сюда.

Он ушел, не добавив больше ничего. Он ушел победителем, и сейчас бы я вряд ли узнал в нем вороватого на вид парнишку в свете тусклого фонаря.

Кофе больше не хотелось. Я думал, что уже никогда не прикоснусь к черному напитку, поэтому утром решил выпить чай.

Суббота

Зачем-то я проснулся очень рано – в комнате стоял зимний сумрак. Суббота. И чего мне не спится? Было трудно заставить себя покинуть теплую постель, но делать там больше было нечего. Я подошел к окну: на улицы стеной обрушился ливень. Что ж, еще один день пройдет в хмуром брожении по квартире. Впрочем, откровенно говоря, просто не было желания даже нос на улицу высовывать, так что жаловаться не на что.

Свет зажигать я не стал – было в сумраке что-то приятное, как покров тайны.

Очень хотелось чаю. Не кофе, а именно чаю. Но, зайдя на кухню, я замер. Посреди стола белела папка.

Я взвыл. Софи умерла. Я помнил ее очень хорошо: всегда немного странная, но в целом милая, общительная, отзывчивая и – одинокая.

Перед глазами закружил выпускной: яркие платья одноклассниц и отчего-то грустный взгляд Софи. А все-таки хорошо, что я не ходил на эти встречи – последний раз я видел ее прекрасной, как предрассветная звезда.

Я сидел за столом с огромной кружкой горячего сладкого чая и неотрывно смотрел на картон.

– Софи, твоя последняя загадка лежит передо мной.

Я улыбнулся, вспоминая ее лукавые, как у лисички, глаза, и все-таки решил развязать эту чертову папку.

Первое письмо

Здравствуй, дорогая Джули!

Вот снова я пишу тебе, правда, теперь уж в последний раз – я скоро приду к тебе, милая!

Сегодня был ливень, а завтра будут уже морозы. Я не хочу холодов, хочу остаться в осеннем небе. Знаешь, Джули, мне спокойно. Я отвезла Лилит к родителям еще в среду. Сегодня суббота – я закончила все дела и даже вытерла пыль! Представляешь?!

Мне легко, Джули, впервые за долгие месяцы мне легко дышать под этим пасмурным небом.

Я была сегодня в парке – там хорошо даже сейчас, но уже

пусто, последние листья сегодня падали к моим ногам и с прощальным шорохом под стук дождя по зонту уходили из моей жизни. Даже они оставляют меня.

Джули, Джули! Ты слышишь? Это Жизнь! Жизнь! Ты слышишь ее, Джул? Она везде, я слышу ее, она пульсирует в моем сознании и превращается в меня, увлекая за собой.

Послушай, это Жизнь: плеск, шум, шорох, ветер, осень, желтый, серый... слышишь?

Жизнь тихо течет во мне. Как прекрасен ее голос! Похож на биение сердца: «тук-тук, Со-фи, тук-тук, Со-фи».

Я скоро буду, Джули, я уже в пути.

Твоя маленькая Софи.

Письмо так и не было отправлено Джули, оно лежало в папке, прямо сверху. Я не стал вынимать его, было страшно прикасаться к абсолютно белому листу, исписанному ее мелким, всегда спешащим куда-то почерком. За столько лет он (надо же!) совершенно не изменился, а вот сама Софи, кажется, изменилась до неузнаваемости.

Я сделал глоток из чашки и подошел к окну. Ощущение было такое, словно я окунулся с головой под лед. Захотелось курить, но я давно бросил, впрочем, так ли давно?

Дождь на время прекратился, и я, быстро одевшись, все-таки выскочил на улицу: ужасно хотелось курить.

Небо было тяжелым и словно злым, а лужи – глубокими; голые деревья заставляли вспомнить строки из письма, слов-

но голос из прошлого.

Я стоял у подъезда, вдыхая табачный яд. Надо же, я порядком забыл вкус своих любимых сигарет. Я всегда курю только их, если только не решаю бросить курить. Я смотрел, как клубится мутный дым и растворяется в пасмурном воздухе декабря. Я не мог понять, что изменилось в моей жизни с ее смертью, точнее, с вестью о ее смерти.

Мы не общались уже очень давно. Да что там! Мы не виделись 8 лет, 8 долгих лет...

Хотя я не могу сказать, что мы были большими друзьями, только в старших классах стали по-настоящему общаться. И все-таки я снова курю. Разрыв отношений, едва не дошедших до свадебных колец, не заставил меня спуститься за пачкой, а картонная папка с неотправленным письмом – вот, пожалуйста!

Может быть, просто странно умереть в 25? Просто она первая из нас?

Снова началась эта ужасная морось. Под ногами валялось два окурка, я бросил третий и вдруг понял:

– Сколько же я тут стою?

Я порядком замерз и поднялся к себе. Морок вроде прошел, но у зеркала я вновь замер:

– Почему ты умерла? Софи, умница Софи, что случилось?

Сигареты привычно легли на стол. Пора бы перекусить. Я кинул в микроволновку что-то, что осталось от ужина, и снова уставился на письмо, лежащее в папке.

Джули... Почему она его не отправила? Я знал Джул, конечно, не так, как Софи, но знал.

Джули и Софи – сестры, были сестрами. Джули была старше нас года на 3-4, она уже давно вышла замуж и, кажется, родила ребенка. Девочки всегда были очень близки, и я подумал:

– Какого черта! Уж Джул точно знает, что случилось с ее любимой младшенькой!

Мой завтрак успел остыть во второй раз, когда я откопал в школьных записях их старый телефон, дом, где они жили вместе с родителями: где еще я мог найти номер Джули?

Проглотив свой бутерброд и холодную картошку, я набрал номер.

Трубку взяла мама, не помню ее имени:

– Здравствуйте, простите, вы не подскажете, где я мог бы найти Джули? Телефон, адрес – что-нибудь?

– Вы, верно, не знаете. Она погибла.

– Как? – я словно сорвался в пропасть, – Она тоже?

– Да, уже давно, еще в конце августа, в самом конце. Автомобильная авария.

– Простите, я не знал.

Я повесил трубку и подошел к бару. Даже не помню, что я выпил, но горло мне обожгло.

И выкинуть бы все это из головы, и зачем мне все это надо? Но тайна манила. Что же все-таки случилось?

Работа была сделана, день стоял пасмурный, и не было повода смыться из дома.

Я налил в бокал сухого вина, взял злополучную папку и спрятался ото всех в кабинете.

Кабинет – моя любимая комната: там стоит мое любимое кресло, большое, глубокое и мягкое. И я никак не мог устроиться там поудобнее, мне словно что-то мешало. И так хотелось бросить все на свете!

Я бросил папку на кофейный столик и вдобавок в сердцах ударил бокалом о его стеклянную поверхность. Не слишком мелодичный звон накрыл комнату и меня сверху, и тут я понял: это письмо Джули, уже мертвой Джули!

– Ну-ка, ну-ка, что ты там написала?

Я рухнул на диван, рывком открыл папку и выхватил письмо, едва не порвав.

Не знаю, почему, но у меня дрожали руки, а глаза бегали по строчкам, выхватывая лишь отдельные слова:

...Последний раз... скоро буду....

Так что же это, выходит, Самоубийство?

Выходит, что так, значит, Самоубийство...

А мне не верилось в это. Перед глазами стояло желтое фото, то самое, что вырвало образ Софи из моей памяти, то самое, где она улыбалась. И мне казалось, я видел, как она кружится и смеется в осеннем парке. Как она могла?!

Я сидел, уставившись в стену, не выпуская письма из рук, и не верил. Вот она смеется, здесь, напротив меня, а вот пи-

шет злополучное послание в никуда и... и как она умерла?

Я отложил ненавистный кусок бумаги и глотнул вина. Мне было плохо – я не верил. Вино кислой прохладой скользнуло в горло. Я не верил. Я не мог понять. Я слишком мало знал. Слишком мало? Что еще хранит неприметная папка?

На белом листе (еще одно письмо?) лежало фото. Такое же желтое, должно быть, было сделано в тот же день. Только на нем были двое: Она – Софи – улыбалась, Он – знакомое лицо?.. – просто сиял, обнимая ее. Стоп, я же его знаю! Это ведь он принес мне тебя... как его? Ах да! Сергей, Сергей. Не знаю, зачем, но я перевернул фото.

*«Самая любимая,
не смогу жить без тебя.*

Сергей»

На обороте – Сергей. Насколько вы были близки? Да что я, все же ясно – «Самая любимая».

Я ломанулся в коридор, запнулся, зацепил косяк, чуть не упал и остановился лишь перед тумбой.

Я никогда раньше не испытывал такой ненависти к неодушевленным предметам. Я ненавидел ворох газет, бумажек и старых прочитанных журналов, скрывающих маленькую картонку с именем и несколькими телефонами. Мне хватило бы и одного из них. Через несколько минут весь коридор был завален бывшим содержимым газетной тумбы, но я все-таки нашел ее и уже, дрожа внутри всем телом, набирал цифры его личного номера.

Вспомнил он меня сразу, сказал, что ждал звонка, и предложил встретиться. Я не отказался, хотя не скажу, что горел желанием увидеть его. Что-то в нем было... не знаю, что. Может, просто он принес плохие новости – самые плохие за последние несколько лет. Восемь.

В кафе на набережной было пусто: еще бы, какой идиот в такую погоду выйдет из дома?! Сергей пил кофе, я заказал чай. Он усмехнулся:

– А я все никак не могу заставить себя пить что-нибудь другое, только кофе.

– Софи варила волшебный кофе.

– Нигде больше так не варят.

Я смотрел на него и понимал, что с каждой минутой, с каждым глотком отвратительного (все познается в сравнении) кофе он нравился мне все больше. И я решил не юлить с ним:

– Как она умерла?

– Как спящая красавица – никто не понял. Только сказали: остановка сердца.

– Да, да, я помню, ты говорил, но... Ты хорошо ее знал, ведь так?

Не знаю, я боялся самоубийства, боялся спросить: «А не было ли это самоубийством?». Просто боялся, хотя за этим и приехал, идиот.

– На завтра назначена свадьба. Была назначена.

Я не ответил ничего, просто достал из кармана то письмо.

– Я нашел его в папке, оно лежало сверху.

Читал он спокойно и медленно и, по-моему, несколько раз. Я смотрел и курил, и жутко хотел вырвать белый листок из его рук. А он все читал.

Затем вздохнул, положил письмо на стол (откуда я его тут же забрал) и только сказал:

– Это не самоубийство. Мы тоже так подумали вначале, но нет. Просто она ушла. Софи не поступила бы так. Только не она.

Я ему верил. Не то чтобы его слова были для меня истиной в высшей инстанции, да и он сам был далеко не авторитетен в моих глазах, но я ему верил. Просто мне не нравилось слово «Самоубийство». Просто перед глазами стояли ее улыбка, ее сияющее лицо, это чертово желтое фото! Но что я знаю о ней?! Сам-то я сильно изменился за восемь лет, ох как сильно...

– Расскажи мне о ней, Сергей.

Он усмехнулся:

– Ты не знаешь, о чем просишь. О ней я мог бы говорить всю жизнь!

– Знаешь, мне некуда спешить.

Он начал не сразу:

– Я познакомился с ней три года назад, когда она вернулась домой после учебы. Я встретил ее впервые в парке, где она гуляла с Лилит, – он говорил медленно, погружаясь в прошлое, как в воду, уходя в него с головой, и взгляд его с

каждым словом становился все более туманным.

Но все-таки я вырвал его из этого транса, ощущая, что меня почему-то это начинало раздражать, будто он говорил не со мной:

– Кто это – Лилит?

– Что?

– Лилит – кто это?

– А-а, племянница Софи.

– Дочь Джули?

– А, да. Ты знал Джул?

– Да, немного. Но это тоже было уже очень давно. Сколько уже этой девочке?

– Пять. Было в сентябре.

– Ясно.

– Она жила у Софи после смерти Джули и Ника.

– Ник?

– Муж Джули

– Как? Он тоже? Выходит, девочка – сирота?

Сергей замолчал и опустил глаза.

– Они ехали домой, Никита за рулем и...

– Никита – Ник?

– Да, она его так называла, на французский манер.

– Да она всех так называла! – я осекся. – В школе, по крайней мере.

– Знаешь, в этом она не изменилась!

Мы долго говорили о ней, улыбаясь и шутя, словно она

была жива, словно сидела сейчас дома и ждала нас там. Мы говорили о ней. О том, как она была прекрасна и как любила осень. Смеялась, кружилась и засыпала под музыку. Как «заболела» фотографией в вузе и делала снимки всего подряд, и все это висело на стенах ее квартиры. И как все-таки выучила французский – она мечтала о нем лет с десяти. Как любила сестру, а племянницу – еще сильнее, как стала ей больше, чем тетей, особенно после смерти Джули, как просыпалась каждое утро с улыбкой, будто самое страшное уже позади, как ненавидела школьные встречи, но ходила зачем-то каждый раз.

– Она тяжело переживала смерть Джули и Ника, неделю после похорон не выходила из дома, ни с кем не говорила и только плакала и молчала, а потом пришла осень, как всегда, первого сентября, я хорошо помню этот день – в этот день она ожила.

Он замолчал и уставился в свой кофе, а я вдруг понял, что пора, что я уже слишком глубоко заглянул в его душу и теперь ему больно, а мне в этом еще надо разобраться. И в себе заодно.

Я сказал что-то вежливое, он так же вежливо ответил. Я встал и ушел. Он остался.

Я ехал домой по серым улицам, а в голове крутились неумолкающие слова и обрывки фраз. Я остановился у своего подъезда, но все никак не мог выйти из машины: как представляю стены, лифт, комнаты – тошно, хотелось гнать

за горизонт, где только ветер! Я поправил зеркало заднего вида, просто так, машинально и вдруг увидел в нем отражение самого прекрасного в мире лица, я даже не сразу понял, что эти невозможно глубокие глаза мне знакомы... я не двинулся, не обернулся, боялся спугнуть наваждение... Софи, малышка! Я видел тебя тогда в машине тем утром, будто ты сидела рядом, словно улыбалась мне, словно была жива!.. Я смотрел в твои глаза, как когда-то, но, Боже! Как ты изменилась!!! Мне хотелось сказать тебе, но я не знал, что... Конечно, ты знала это, я слышал, как бесшумно ты вышла – я не выбежал за тобой. Я не знал тебя, Софи. Я не знал ее. Никогда, наверное, не знал, даже когда считал себя ее лучшим другом. Знал многое о ней, но не ее.

И я вдруг понял: я хочу знать!! Хочу знать эту девушку! Вы скажете, мол, о чем ты раньше думал, осел? Она мертва... Вы ошибаетесь! Умница Софи сидела у меня дома, вернее лежала стопкой листов в неприметной папке.

Библиотека

Я думал, это еще одно письмо там, в папке, но это было не совсем так. Это был список имен и названий. Песни, книги, стихи на разных языках, но все о любви – потерянной и одинокой, о прошлом, о сложном. Кое-что я знал, чего-то не помнил, что-то не понял, было и то, о чем никогда не слышал. Выглядел этот список примерно так:

Гранатовый браслет
Joe Dassin
Ветер
Я написала слова
После тебя
Фонарь
Слушая пение
Lara Fabian
День после конца света
Still loving you
В ресторане
.....

Я ходил по комнате и думал примерно так:

– Это Куприн, а «Ветер» – их штук с 20 точно наберется, если это стихи, конечно, а вот это – точно Ахматова...

Словом, толком я ничего не понял, поэтому вернулся к папке, она все еще оставалась очень толстой, и я терялся в догадках, какие тайны она хранит, о чем может поведать тому, кто отважится и сможет погрузиться в омут чужой памяти. Я был готов.

Я достал конверт из нее. Я не искал и не выворачивал ее наизнанку, словно боясь повредить ход ее мысли. Конверт лежал сверху. Он был довольно тяжел и зачем-то запечатан.

– Письмо? Уже почти отправленное, должно быть, есть

марка и адрес отправителя, только вместо адресата – пусто-та, и уже позже – другой ручкой и даже другим почерком, нарочито аккуратным и даже витиеватым, словно неживым, неискренним – Библиотека. Я смотрел на эти буквы и видел медленное движение руки, скользящие на бумагу чернила и пустой, иступленный взгляд... Она никогда его не отправит больше... Почему? Некуда.

Я гладил белую бумагу конверта и так же иступленно смотрел на него. Адрес, сходить бы туда...

Я вздохнул, получилось как-то обреченно, даже странно, и вскрыл.

Диск, несколько сложенных листов и бумажки, клочки ржавого цвета с названиями книг – Библиотека, библиотечные вкладыши.

Телефонный звонок ворвался в мою реальность, как чужеродное явление совсем другого мира. Я встряхнулся и ответил, но, честно, даже не слышал, что мне говорили. Помню, что звали куда-то: может, выпить, а может, сыграть, но я отказался и услышал в ответ:

– Да что с тобой, Саня?

– Все о'кей. Просто погода...

– Ладно, звони, приятель.

Я повесил трубку и снова уставился на конверт. Что со мной? Эх, Димка, знал бы я, что со мной... Кого бы спросить?

Было что-то неправильное во всем, что происходило, бы-

ло что-то неправильное во всем. Я поставил диск на воспроизведение. Музыка скользнула в комнату, покружила у потолка и смолкла, право, я даже не заметил ее ухода, я рассматривал названия книг на библиотечных вкладышах: Куприн, Гаррисон, Ахматова, Гумилев, Пастернак, Блок... ее любимые авторы – мог бы и сам догадаться. Я взялся за остатки письма, там лежало еще одно фото – маленькая девочка, наверняка это и была Лилит, она не улыбалась, глядя куда-то вдаль, а за ее спиной синело бесконечное небо, бесконечное и безразличное... Я долго смотрел на девочку: то ли в ней было что-то неуловимое, то ли Софи была замечательным фотографом – я не знаю, но меня не покидала мысль: о чем она думает? И словно далекое эхо, витал ответ: о маме...

А еще там было письмо. Еще одно. И, конечно, Джули:

«Дорогая моя, милая Джули!

Послушай, это жизнь! Она струится вокруг нас, только мы зачем-то игнорируем ее.

Мы с Лилит сегодня были в парке. Мы были вдвоем – не стали никого брать с собой. И, знаешь, я поняла, что дети чувствуют жизнь острее: глаза – ты видела детские глаза? Боже, конечно же, видела! Почему ты никогда не говорила мне, что дети стараются охватить весь мир одним взглядом? Это чудесно!

Жизнь, она повсюду, Джули, вот только мы не замечаем

ее. Почему ты никогда мне этого не говорила?

Я слышала тихую мелодию сегодня в парке, она еле доноси-лась из окна чьей-то квартиры и тонула в крике и шуме – я бы никогда не заметила, но Лилит спросила:

– Тетя Софи, а что он поет?

Это был французский. Представляешь? Но я бы не услышала. Никогда, нет, не услышала бы.

Ты, конечно, спросишь, что это я прислала тебе, но я не знаю. Я просто вложила в конверт все, что отозвалось в моей душе сегодня утром, когда звучал французский. Я просто подумала: кто понял бы меня сейчас? Они бы поняли. Они поняли.

Послушай! Это Жизнь, Джул! Она звучит! И каждая нота – Жизнь, и каждый вздох, и каждый вдох, и звук упавшего листа в осеннем парке – не важно, что его заглушил детский смех – тем лучше, ведь смех прекрасен, и он тоже Жизнь, но ведь лист умер, умер и никто не услышал! И он тоже был Жизнью.

Страшно уходить из жизни тихо? Нет. Страшно умереть незамеченным. Я видела, как умер желтый лист. Я готова поклясться, я слышала его последний выдох. Я слышу.

Помолчи и послушай – это Жизнь.

Люблю тебя. Софи»

Я снова курил. Стоял у окна и курил. Курил и думал, что больше не осталось ни одного листа, а я даже не заметил,

что была осень. То есть я, конечно, знал, что осень, но для меня она стала просто месяцами – безликими названиями, серыми днями и шумом дождей.

Шум дождя... Софи бы сказала, что это тоже Жизнь – она права. Но не для меня. Для меня это просто шум, ничего не значит.

Я ходил по пустой квартире, сначала в тишине, а потом поставил диск, что прислала Софи. И мне казалось, что прислала она его именно мне, а еще, что она сама проскользнула в мою комнату на звуках этой музыки. Я постоянно оглядывался в поиске ее глаз, заглядывал в окна, теребил шторы, но ее нигде не было. Или я просто не там искал?

Моя квартира, мой мир показался мне пустым и тесным. Разве так бывает? Одновременно пустым и тесным? Словно все, что в нем есть, просто мусор, отнимающий место и воздух. И нечем дышать.

Я взял фотографии: где Софи в объятиях Сергея и где малышка Лилит – и приколот их к стене в кабинете. Я сидел и смотрел на них, погружаясь в музыку, как в воду, вырывая из памяти обрывки стихов и сюжетов. Кто бы понял меня сейчас? Кто бы понял? Ветер, ветер – как мне его не хватает сейчас – свободный ветер в лицо. Я дышал глубоко и громкого, словно нечем было дышать. Я погружался в себя и в звуки собственных мыслей, заглушающих музыку. Я дышал, пока не рухнул в глубокий, как пропасть, сон. Глубокий и тревожный.

Вы мне приснились сегодня

Не помню, что видел во сне. Помню, это было что-то тяжелое, как небо, затянутое грозowymi тучами, небо, проглатывающее землю на горизонте.

Было темно, когда я проснулся. Темно и холодно. Я пошел на кухню сделать чай, чтобы согреться, и вдруг увидел снег, он тихо падал сверху на лужи, только подернутые льдом. «Слетались хлопья со двора к оконной раме», – да...

Но снег не принес покоя, он был каким-то суматошным, словно люди в больших городах. Я не люблю большие города, они теряют душу.

Что снилось мне?

Я точно ощущал, что больше не усну, хотя еще не было трех, впрочем, все равно – начиналось воскресенье, и до следующего утра все равно мне делать нечего. Конечно, я вернулся к Софи. Голова немного гудела – суббота вышла довольно сумбурной, я сделал большой глоток обжигающей сладкой воды с заваркой и посмотрел на Софи. В бледном свете настольной лампы она больше не казалась такой уж счастливой, а может, просто я хотел думать, что она не была так уж счастлива, иначе откуда все эти письма в никуда?

Вот только фотографии этой было уже два года. Я знал это точно – хорошо помню ту осень. Я тогда тоже частенько бывал в том парке и мог бы даже встретить ее там случай-

но, но не встретил. Я бывал там с Мариной. Марина... как давно все это было. Марина, прошлое, наши глупые ссоры, если бы я мог, я бы все исправил. Я бы не расстался с ней Так. Впрочем, «если бы» – это все просто слова, а история не терпит условного наклонения.

Я еще раз взглянул на Софи и достал следующее письмо.

«Моя любимая сестричка, Джули, здравствуй! Послушай, Джул, послушай, это Жизнь. Здесь, в повседневной суматохе, в бессмысленной спешке Жизнь. Но она ускользает от нас, глупых и слепых.

Я сегодня пишу тебе очень поздно – уже половина третьего ночи, Впрочем, для меня это скорее уже очень рано, потому что я проснулась и теперь сижу возле спящей Лилит. Она спит сегодня очень беспокойно: крутится и что-то говорит иногда. Я немного волнуюсь за нее, хотя и знаю, что это просто сон, просто дурной сон.

А мне сегодня снился Он! Я так соскучилась по нему, но поняла это только когда проснулась. Знаешь, Лилит меня немного беспокоит, кажется, она простыла. Не хочу, чтобы она болела этой осенью. Хватит с нее, правда?

Впрочем, давай не будем об этом. Мне сегодня Снился Он! Я проснулась с мыслью о том, что я хочу написать письмо и ему тоже. И я его написала. Не буду присылать его тебе, не обижайся, но это личное. Даже смешно! Но, может, если я оставляю его у себя, то когда-нибудь наберусь смелости и

отправлю. Вдруг.

Завтра мы пойдем в парк. Хочу вернуться в наш парк, хоть на миг. Мне, знаешь, все кажется, что именно там я могу его встретить как бы случайно, ведь я видела его там уже дважды. Вдруг.

Мне нравится эта ночь, Джули. В ней спокойно и слышно жизнь. Лилит дышит жизнью. Жизнь дышит в нас.

Замри и послушай! Жизнь дышит.

Глупышка Софи. Из одинокой ночи».

Я отложил его в сторону, мне не терпелось найти то, второе, письмо. Мне казалось, оно приоткроет завесу тайны.

Оно лежало тут же:

«Здравствуйте, любимый! Не осмелюсь назвать Вас по имени, я тогда не могу сказать ни слова, словно Вы стоите сейчас передо мною, и я немею. А скажусь «любимый», и будто и не Вы это вовсе, а просто далекий образ, призрачный голос из прошлого. Голос и глаза – вот и все, что оставило мне время. Вот и все, любимый.

Сегодня вечером в мое окно заглянуло небо. Я подумала сначала, что это постарался сумасшедший художник, а потом просто побежала за камерой. И теперь это небо смотрит на меня с потолка, а я смотрю на него. Жаль, Вы не видите его – оно прекрасно! Небо всегда неповторимо. Сегодня оно было жемчужным и кремово-лиловым, ну и, конечно, невыразимо голубым. А вот рядом совсем другое небо –

розовое и золотое – это закат над бухтой пару недель назад. Я люблю небо – оно одно и то же у нас над головами. Оно словно соединяет нас.

Вы снились мне сегодня. И я благодарна Вам за это. Я видела сегодня (во сне, к сожалению), как Вы гуляете неспешно по парку, где я видела Вас в последний раз. Вы одиноки были сегодня, и потому я осмелилась окликнуть Вас, а Вы оглянулись, улыбнулись и воскликнули: «Софи, малышка, сколько лет! Как ты прекрасна, право, я даже не узнал тебя – богатой будешь!» А я улыбнулась и, заглянув Вам в глаза, сказала: «Уж лучше счастливой». Вы засмеялись. Я люблю Ваш смех.

*Люблю Вас. Хотя давно уже не хочу Вас любить.
Софи. Софья Милая».*

Милая – это Софина фамилия. Смешная. Милая.

Я перечитал еще раз. Я читал еще и еще, незаметно для себя улыбаясь той странной улыбкой, которую нельзя ни понять, ни повторить. Софи, малышка Софи, какая ты смешная! Какая ты милая, а я-то думал, ты изменилась. Нет, ты все такая же смешная, когда говоришь о любви.

О любви. И тут я понял: Софи, а кому это письмо? Ведь это явно не для твоего жениха, руку даю на отсечение – Сергей об этом не знает.

И не узнает. Я так решил: это будет нашей с ней маленькой тайной. Я улыбнулся, мне нравилось иметь с Софи что-то

общее, тем более тайну.

С каким-то совершенно мне не свойственным злорадством я подошел к стене, снял с нее желтое фото, потом взял ножницы и вырезал из него Сергея.

Теперь Софи смотрела на меня со стены в полном одиночестве.

Я смотрел на нее и думал: «что же не так в ее улыбке?» Что мне не нравится, почему мне кажется, что она далеко не так счастлива, как пытается показать?

У нее обворожительная улыбка. Всегда была.

Я сидел, допивая чай мелкими глотками, сидел, глядя на нее, на ее фото, сидел и думал:

– Далеко не так счастлива, далеко не так, далеко не счастлива, далеко... она словно далеко! Точно!

Я даже вскочил и заходил по комнате. Она была далеко. Она была влюблена еще тогда, когда стояла в парке с этим неуверенным в себе юнцом. И вовсе не важно, что он меня старше на два года, он юнец, пацан, идиот. И она не любила его. Никогда.

А может, в этом тайна?

Женская дружба

Софи всегда говорила мне, что любовь способна на два чуда: подарить жизнь и отнять ее. Больше чудес не бывает, все остальное – совокупность закономерностей и неиз-

бежных случайностей, результат наших действий, решений и главное – наших ошибок. Она свято верила, что несчастная любовь убивает вернее пули в висок. Я не верил.

А что, если она была права?

Я был в бешенстве, я чувствовал, что ответ близок, что где-то кроется тайна, и эта тайна пьянила меня, но я не знал, за что хвататься и куда бежать.

Я глянул, было, на папку: она-то уж точно все знает, но не смог – мне нужен был человек. Живой, мыслящий, способный говорить. Иначе я сойду с ума.

Я схватился за телефон. Но кому звонить? В три-то часа ночи? Да и кому я могу позвонить? Сергею? Сказать: «Привет, а ты знаешь, что Софи была влюблена в другого, даже когда собиралась за тебя замуж? И, как мне кажется, именно это ее убило?» Бред, я не настолько жесток.

Мне нужен был Димка. Димка – мой лучший друг, и, оглядываясь назад, я понимаю, что единственный. Впрочем, если ты можешь сказать, что у тебя есть настоящий друг, один, но проверенный, тот, что не предаст и не бросит, тот, что не помнит обид и драк, когда нужно прилететь среди ночи и выпить вместе с тобой, – ты богат. У тебя есть брат не по крови, но по духу.

У меня был Димка. И, конечно, Димка уже спал или еще спал... не важно... И поэтому я узнал все, что он обо мне думает, куда именно мне нужно идти и что именно он бы сделал с тем, кто придумал телефон, если бы коварный изоб-

ретатель не успел спрятаться от него на том свете.

Когда он замолчал, я предложил ему приехать ко мне прямо сейчас, на что услышал встречное предложение вызвать такси и отправиться в дурку, тоже прямо сейчас, впрочем, он даже оказался любезен и заметил, что может по такому поводу вызвать для меня неотложку. Я ему сказал, что он не прав, а он ответил, что я идиот, если думаю, что он вот так вот просто вылезет из-под теплого одеяла и приедет ко мне, тем более, что под одеялом у него спит Аня, еще более теплая, и, поскольку у меня ничего не случилось, он не позволит мне разрушить его почти семейную идиллию как минимум до десяти утра. И пригласил меня на утренний кофе с гренками. Я согласился – Аня чудесно готовит.

В чем-то он, бесспорно, был прав. У меня действительно ничего не случилось, Анька бы убила меня с утра, если бы я вытащил Димона из дома посреди ночи без крайней нужды, а Софи может и подождать до утра. Я даже лег и попытался уснуть. Не скажу, что мне это совсем не удалось, в принципе, я уснул, только как-то рывками. Я просыпался каждые полчаса, а потом снова проваливался в полусон, продолжая слышать тихий шорох плавающей стрелки. Кто сказал, что современные часы бесшумны? Идиот.

Мой сон был похож на бред больного, если не сказать сумасшедшего. Иногда мне снилась девочка с голубыми холодными глазами – она металась в постели, время от времени засыпая на пару минут, а потом резко вскакивая от кошма-

ров. А рядом сидела Софи. Просто сидела и смотрела, как девочка мучается, и ничего не делала. Плакала.

Около семи я понял, что больше не могу. Этот сон был хуже бодрствования. Зло покрывая благим матом все на свете, спотыкаясь на каждом шагу, я вышел на кухню.

Я и сам знаю, что ничто не убивает так быстро, как кофе и сигарета с утра на пустой желудок, но все-таки.

Снег перестал. Глупый фонарь стал еще более одиноким, и у меня появилось желание его просто разбить – добить, чтоб не мучился. Может, меня тем утром тоже стоило добить. Но никого не было рядом.

Я не знаю, откуда во мне взялось столько злости, и, что пугало меня еще больше, я не понимал ее вектора. Она была всепоглощающей. Меня словно охватила тупая страсть разрушения, и сдерживало только одно: я знал, что не прав от начала до конца. Просто не прав.

Я прошатался по квартире в таком состоянии, хватаясь то за книги, то за голову, включая телевизор и музыку, а потом выключая, и даже «косынка» не спасала меня.

В конце концов у меня не выдержали нервы. Я оделся и вышел на улицу. Было около девяти, и я уже смело мог отправляться к Димке, тем более, что я не решился сесть за руль в таком состоянии.

Я сел в ядовито-желтую маршрутку и даже не мог представить, что может быть хуже, чем этот ядовитый цвет, выжигающий глаза, особенно на фоне серо-белого города, по-

крытого инеем и тонким первым снегом. Но, странное дело, глядя на мир из пассажирского окна еле ползущей маршрутки, я стал словно отстраненным наблюдателем за своей жизнью. Город медленно скользил за окном, глядя на меня плотно зашторенными окнами домов, пустыми улицами и белесыми деревьями вдоль дорог, со мной ехали еще несколько человек, такие же задумчивые, потерявшие себя в этом бесцветном полотне.

Пришел к Димке я приглушенно-смирненным, по-моему, даже туповатым. И мне даже было смешно, хоть и горько, смотреть на то, как его взволновало такое мое состояние. Меня усадили за стол, поставили огромную кружку чая, накормили завтраком, и даже Аня ничего не сказала мне из того, что обязательно сказала бы в другой раз, и еще скажет. Она даже вышла, когда решила, что я ничего не говорю, потому что не хочу говорить при ней, но она ошибалась. Я просто не знал, что говорить. Я не был уверен, что знаю, зачем приехал сюда. Мне показалось, что меня выгнало из дома желание не быть в одиночестве, не оставаться наедине с мыслями, с мыслями о Софи.

Дима тоже знал Софи, мы ведь учились все вместе в одном классе когда-то.

– Софи умерла. Ты знаешь? – я просто так это сказал, даже не знаю зачем, я, в общем-то, не хотел, чтобы кто-то об этом узнал, тем более от меня, но Димка – особенный человек, ему можно сказать.

– Софи? Милая?

– Угу.

В кухню тихо зашла Аня, видимо, да нет, точно, услышала, что я сказал. Это было так громко?

– Наша одноклассница, – зачем-то сказал Димон, должно быть, для Аньки, она не знала Софи.

– Хочешь выпить?

Я не ответил, так, дернул плечом, мне не хотелось пить, хотелось исчезнуть, так раз – и исчезнуть, будто меня вовсе здесь не было, не было меня на этой кухне.

Я поднял глаза и уставился на Диму. И вдруг увидел в его глазах то, чего там не было в самые паршивые моменты наших жизней: растерянность и ничем не прикрытое желание помочь хоть как-нибудь. И тут меня прорвало. Я вдруг выложил перед ними все как на духу: про Сергея, папку, письма, фото... Только одного не сказал, что это все сводит меня с ума.

– Брось, выкинь все это из головы, приятель...

– Заткнись, – никогда при мне ни до этого, ни после я не слышал от Ани ничего подобного, я даже вдруг понял, за что он ее любит, хотя она просто невыносима. – Саш, послушай, я понимаю, ты пришел к другу, но что может Дима? Ты выговорился? Тебе стало легче – отлично, но что дальше? Ты чуть не по адресу. И я говорю это не потому, что хочу, чтобы ты убрался из моего дома, я против тебя ничего не имею, даже наоборот, просто тебе нужен другой друг – тот, кто был

другом для Софи.

Мы, Димины приятели, с самого первого момента знали, что Аня порядочная такая стерва, позже мы поняли, что ошиблись на ее счет – она просто демон в юбке, но Димка ее обожает, и, хотя ему не раз и не два пытались открыть глаза, он никогда даже не думал с ней расстаться, и мы смирились. Я смирился первым: они были счастливы вместе, хотя она не раз на меня набрасывалась с криками и воплями. Вот только сейчас мне показалось, что я пришел поговорить не с лучшим другом, а с ней. Димка сидел и смотрел на нас, как баран, а вот Анька... Она меня поняла. Сразу поняла.

Я ушел от них довольно скоро, просто не хотел оставаться, впрочем, меня не уговаривали, точнее, Димон пытался уговорить, но Аня и тут меня поняла. Я ушел в тающий снег.

Хотелось прогуляться, и я пошел к морю – здесь было недалеко, а я двести лет не видел море вблизи. Зимнее море далеко не такое синее, каким его часто называют: синее море, у самого синего моря... Бред, оно совсем не синее, особенно зимой. Под снежными тучами море тогда мне казалось особенно грозным и неприветливым – как моя душа. Я запахнул плотнее пальто и поднял воротник – с моря дул резкий злой ветер.

Обычно море успокаивает, и меня тоже, но тогда, тогда оно сделало меня словно жестче, даже не знаю почему. Я злился и замыкался в себе, в мыслях – вакуум, только звук собственного дыхания, не знаю, что на меня нашло тогда.

Кто-то подошел ко мне и встал рядом, словно черная тень. Я невольно повернулся посмотреть, кого еще занесло сюда в такое-то время, когда впору пить горячий шоколад, закутавшись в теплый плед. Я даже нашел в себе силы удивиться тому, что это была девушка, Впрочем, она недолго занимала меня, она была мне неинтересна. Мы стояли молча и смотрели на беспокойное море, каждый погруженный в собственные мысли.

Странно, но в ее присутствии мне становилось легче, мы словно были вместе здесь, словно мы стали не так одиноки в своем одиночестве. Я взглянул на нее еще раз, уже более внимательно.

Было в ней что-то смутно знакомое, что-то, что я не мог уловить: ее имя словно вертелось у меня на языке, ее лицо вызывало в памяти смутные воспоминания, я бы даже сказал, смутно-мрачные, но...

Она резко повернулась и заглянула мне прямо в глаза – очень неприятное ощущение, должен я заметить, и вдруг ее брови поползли вверх: она узнала меня! Я не мог в это поверить.

– Простите, мы, кажется, знакомы? – как-то глупо проблеял я, все еще не в состоянии вспомнить о ней хоть что-нибудь

– Леся. Меня зовут Олеся. Мы учились в одной школе, когда-то довольно давно.

После этих слов у меня в голове что-то начало медленно

проявляться, но не так, чтобы очень, и я даже не знаю, о чем я думал, произнося следующую фразу:

– Не хочешь выпить кофе? За встречу?

– Лучше чай.

Я скоро вспомнил ее. Олеся училась в параллельном классе и была лучшей подругой Софи, лучше, чем я мог бы когда-либо стать, даже если бы очень захотел: девчонки понимали друг друга без слов, причем буквально. И все-таки я точно помню, что я ее не любил в школе, не знаю, чем это было вызвано, но ее черные, как ночь, глаза до сих пор вызывали у меня смешанные чувства, впрочем, сейчас это уже не имело значения. Она была подругой Софи. В тот день я впервые задумался о том, что в моей жизни слишком много совпадений...

Сначала мы говорили ни о чем: кем стали, где учились, кого видели и с кем живем, она не говорила ни слова о Софи, а я не знал, продолжали ли они дружить после школы.

Кофейня, куда я ее привел, была абсолютно пуста, там было уютно, тепло и тихо. Мы примолкли, сделав заказ, за окном начал мелким бисером кружить случайный снежок. И я вдруг подумал вслух:

– А странно, что мы вот так встретились, зимой у моря, какова вероятность... Совпадение, правда?

– Знаешь, – сказала она, как-то недобро усмехнувшись, – я прихожу туда каждое воскресенье с того дня, как узнала о смерти Софи.

Она подняла на меня свои ведьмовские глаза, видимо, ожидая услышать что-нибудь вроде «Как, Софи умерла?!», но я лишь спросил:

– Зачем?

– Она очень любила море, и мы часто приходили именно туда, на это место... А вот ты что там делал, да еще в такую погоду?

– Наверное, то же самое, что и ты, вспоминал Софи. Я все никак не могу понять, как же так?

– Откуда ты вообще об этом узнал?

Ее смуглая кожа странно выделялась на фоне белого окна, да и вообще было в ней что-то, всегда было...

– Да так случайно получилось.

– Случайностей не бывает. И Софи лишь доказала это своей смертью.

– Вы все еще дружили с ней? Даже после школы?

Олеся посмотрела на меня оценивающе, словно пыталась понять, достоин ли я узнать ответ. Я оказался достоин.

– Мы оставались лучшими подругами до конца, лучше, чем я, ее знала только Джули, а у меня вообще больше никого нет, кроме Софи, не было.... А я ее предала. Я виновата в том, что произошло.

Я почувствовал, что мои глаза округлились, а брови поползли вверх, слова, между тем, застряли в горле, и я, казалось, даже дышал с трудом.

– Нет, ты не подумай обо мне ничего плохого, просто...

Ты знаешь Сергея?

Я коротко кивнул.

– Я ненавидела и ненавижу его каждой клеточкой своего мозга, я с самого начала была против того, чтобы они были вместе.

– Но он, по-моему, отличный мальчик и Софи, кажется, любит до безумия.

– А она его? Нет. Она его никогда не любила, ни минуты. Поэтому мы и поругались, когда она согласилась выйти за него. Это было в июле, с тех пор я ее не видела, не знала о смерти Джули, ничего не знала о том, что с ней происходило... Никогда не прощу себе этого.

Мы вновь замолчали.

– Вот так просто я бы никогда не разругался с лучшим другом из-за его невесты, – я вспомнил Анну.

Она усмехнулась, по-моему, моей глупости. Я не обиделся.

– Да я не из-за этого... не из-за него разругалась, тебе не понять. Я не могла смотреть, как она делает себя несчастной, как замыкается в себе и превращается в то, за что всегда себя ненавидела. Я знала, что она мечтает совсем о другой жизни, что она будет все слабее с каждым днем рядом с ним, что она любит совсем другого мужчину.

Честно, даже не знаю, как это у меня вырвалось:

– Кого?!

Но она лишь усмехнулась, мол, «Какая теперь разница...»

или это значило «Неужто ты думаешь, что я тебе вот так все и выложу?»»

Я так и не понял.

– Софи была для меня больше, чем сестрой, больше, чем я думала. Я каждое утро просыпалась с мыслью о том, что надо перешагнуть через гордость, но мы были гордыми. Теперь я засыпаю с мыслью, что я лишила себя в этой жизни, возможно, самого важного человека. Говорят, женской дружбы не бывает. Они правы. Теперь уже точно не бывает. Теперь, когда умерла Софи...

Ушел я оттуда через два часа, когда договорился с Олесей, что она познакомит меня с Лилит, которую теперь часто навещает, и покажет квартиру Софи, где никому не позволит ничего менять.

Я бы убил того, кто сказал бы мне 10 лет назад, что эта чокнутая станет моей подругой.

Она любила другого

Любила другого всегда и безответно. Спасением стали пять лет, проведенные за десять сотен километров от дома. А потом она вернулась. И, как назло, вернулся и он, вернулся в ее жизнь. Почему она любила осень? Потому что первого сентября она вновь увидела его. С другой.

«Потом три дня она проревела взахлеб, мы с Джули тогда были рядом с ней, а на четвертый взяла камеру и отправи-

лась в парк. Мы ей говорили, что это плохая идея – искать с ним встречи, но Соф упрямо заверяла нас, что она хочет поснимать парк и совсем не думает кого-то там искать, мол, успокоилась, перебесилась. Так на ее стене появилось первое фото – пустая скамейка, та, на которой он сидел и даже не увидел ее, когда она прошла мимо. Всю осень она проторчала в парке, в городе, у моря, на набережной, возле его дома – везде, где был мизерный шанс встретить его, но судьба решила иначе. Зима пришла с грустью и бронхитом. Мы заперли ее дома и отобрали камеру. И все пошло своим чередом, что-то забыли, что-то забылось. Только не Соф. Она помнила все, каждую минутку, когда она высматривала его, ждала, вспоминала, плакала, пока никто не видит. Потом был Сергей, она познакомилась с ним той осенью, сначала они дружили, а потом, потом она просто устала быть совсем одна. Ненавижу его, ненавижу его и себя, потому что сказала ей тогда: «Дай парню шанс, тебе нечего терять, подруга!» Я же не думала, что это все так затянется! Как она могла быть с ним?

В ее квартире появлялись все новые снимки, они были везде – на стенах, на потолке, иногда даже на полу. Думаешь, она болела фотографией? Бред. Этот тупица тоже так думал, идиот. Она болела ИМ – чье имя нельзя было произносить, даже если говорили совсем не о нем, потому что у Софи ментально мутнел взгляд, и она уносилась вдаль, к нему, в никуда, ОН жил в ее снах, ОН.

Думаешь, все это глупо? Думаешь, ей надо было пойти к Нему и все выложить? Она пыталась когда-то давно, но, увы, тогда он не понял, что за сокровище перед ним, а теперь она не решалась. Может, правильно, может, нет, но забыть его...

Она просто не могла. Не смогла. Никогда не смогла бы. Подумать только, я даже не знала, что бывает такая больная любовь, больная, потому что бессмысленная».

Я думал об этом по дороге домой. Я думал об этом, поднимаясь к себе. Я думал об этом, наливая себе коньяк. Я никак не мог заставить себя думать хоть о чем-нибудь другом и сидел, глядя на нее.

Эта папка, она хранила все секреты, она знала все, она знала больше, чем все, она знала то, что никогда больше не узнает никто. Кроме меня.

Я не мог понять, как жизнь может быть такой глупой, такой абсурдной и неправильной. Как можно жить на этих белых листах?

Проснулся я в кресле, очевидно, я там уснул, по крайней мере, других вариантов у меня не было. Так начинался понедельник.

Понедельник

Каждое утро я стою в одной и той же пробке. Конечно, не час и даже не полчаса, как в городах-гигантах, но минут семь-десять-пятнадцать я просто сижу и пытаюсь хоть как-

то убить время и не думать о том, что опять опоздаю и получу от начальства и что я в который раз пропускаю все сроки... И про всякую прочую плохо влияющую на настроение дребедень.

В понедельник из головы не шла Софи:

«Глупая, глупая жизнь! Мучить себя из-за какого-то идиота, вроде того, который опять не разошелся со столбом, и теперь я стою в этой чертовой пробке уже шесть минут и простою еще минимум столько же. Идиоты, когда вы научитесь ездить?! Ну как, как можно было издеваться над собой столько лет, Соф, ты же умненькая девочка?! Столько лет... сколько лет? Получается, это еще со школы, получается, это первая любовь? И такая больная. Больная, а не большая».

Пытаясь отвлечься, я начал рассматривать своих друзей по несчастью, опаздывающих на работу, на учебу и еще бог ведает куда. Вот кто-то очень важный в серебристой «тойоте», а прямо перед ним кто-то еще важнее, но на черном «лексусе», по-моему «тойоту» злит именно «лексус», а не сама пробка. А вот женщина средних лет смотрит то на часы, то в зеркало, а вот еще одна на красной «мини» – как же это избито. Дети дерутся на заднем сиденье. Я невольно усмехнулся: и так каждое утро.

А вот что-то интересное. Девочка лет 20, не больше, в машине слева от меня, лазурная «хонда» – красивый цвет. Мягкие черты лица и потрясающее спокойствие. Я улыбнулся – она хорошенькая. Смотрит прямо перед собой, долж-

но быть, думает о чем-то. О вчерашнем вечере, готов поспорить. Слегка наклонила голову: что там говорят об этом психологи? Заглянуть бы в ее мысли на минутку. Интересно, там есть что-нибудь, кроме хлама и ерунды?

Интересно, если дать ей ручку и сказать: «Пиши!», что она напишет?

Интересно, она способна на большую любовь?

Я медленно двинулся вперед, ведомый дорожным течением, скоро мы выбрались из затора, и на первом же повороте я с ней расстался. Мне почему-то казалось, что нас что-то связывало, и даже было немного грустно ее терять, я бросил короткий взгляд назад, а смысл? Хотелось крикнуть: «Постой, как тебя зовут?» – как будто это что-то значило. Странное ощущение, которое скоро рассеялось. Но вот что действительно странно, так это то, что я чувствовал: я теперь что-то упустил, словно призрачный шанс, словно я теперь чего-то не знаю. И, что характерно, уже не узнаю. Я снова ухмыльнулся. Получилось горько.

Обычный день, еще один, но теперь он был покрыт вуалью призрачного присутствия Софи. Меня даже спросили пару раз: «Да что с тобой сегодня?!». Но что я мог ответить? Не знаю. Я так и говорил: «Не знаю».

После обеда позвонил Димка, озабоченный моим состоянием, но я ответил:

– Не знаю, что нашло на меня вчера, но спасибо.

– За что?

– Да хотя бы за то, что выслушали, Дим. За это уже низкий поклон. И Ане передай, хорошо?

– Слушай, а может, встретимся вечером? Выпьем, поговорим?

– Я думаю, можно, впрочем, вряд ли.

– Слушай, приятель, – он сказал мне «приятель», как будто хлопнул по плечу, мол, «пацан, не парься, все будет ништяк». Может, и стоило так сказать, словно нам опять пятнадцать и настоящие проблемы еще не начались, точнее, мы еще не поняли, что они начались, но он сказал мне: – Слушай, приятель, кончай ты все это!

– Вот как кончу, так и позвоню, – отрезал я и бросил трубку, потому что он разозлил меня. Своим, своим, не знаю, своим «приятелем» он разозлил меня.

Я вдруг подумал, что в последние дни я многовато пью.

Я не позвонил. Сел в машину и понял, что не хочу никуда ехать, хочу домой, к себе домой. Как же все меня достали сегодня! Дурацкий день. Хотя что в нем было дурацкого? И все-таки надо будет ему позвонить, этому «приятелю». Когда-нибудь.

Впрочем, я совершил подвиг: вспомнив, что у меня в очередной раз в холодильнике хоть шаром покати, я нашел силы и заехал в супермаркет. Там я долго бродил с умным видом вдоль стеллажей, полок и холодильников, делая вид, что знаю, что ищу.

Меня всегда поражали женщины, точно знающие, чем сыр

в четвертом слева ряду отличается от всех остальных. Я беру тот, что ближе. Около получаса я возил в тележке этот треугольный кусок на триста пятьдесят шесть граммов с большими дырками, изучая бесконечный ассортимент всего на свете. Когда я подошел к кассе, однако, там было еще 2-3 совершенно не нужные продукта и, конечно, пельмени, потому что готовить сегодня уже никак. Очередь у кассы – почти то же самое, что и дорожная пробка. Люди, тележки, корзинки, треск выезжающих чеков и цифры, цифры.

– Любимый, приди сегодня пораньше, если получится, я приготовлю что-нибудь особенное на ужин, – сказала девушка позади меня с угрожающе нагруженной тележкой и протяжной «а».

Другая девушка, из соседней очереди, повернулась,глянула на нее, на тележку, на меня и усмехнулась, не мне, а просто как бы про себя. В ее корзинке тоже был сыр, а еще кефир, пара яблок и журнал. Я подумал, что ее тоже никто не ждет. Интересно, она бы поняла меня?

Я вдруг вспомнил слова одного из писем Софи: «Кто бы понял меня?» Я стоял и смотрел на людей вокруг, неосознанно повторяя про себя, как зачарованный:

– Кто бы понял меня сейчас, кто бы понял?

Она? Или он? Точно не эти двое с бутылкой шампанского: для них вообще никто больше не существует – счастливые, что с них возьмешь?

Пельмени, кофе, сыр, сигареты и вопрос «Кто бы понял

меня сейчас?» – настоящий холостяцкий ужин.

Я так и не нашел ответа. Я просто зачем-то достал очередной белый лист из потертой папки и начал читать.

Не знаю, но мне показалось, что я пришел к старому другу.

Летопись души

«Послушай, это Жизнь!

Ты видишь, этот дождь, ты слышишь этот ветер? Это дыхание Жизни. Замри и послушай – Жизнь дышит! Замри, не потревожь совершенную музыку дыханья, не нарушь гармонии танца этих капель на стекле. Ты слышишь? Это дыхание Жизни. И мое дыхание.

Но что моя жизнь, Джули? Постоянное ожидание того, что никогда не случится? Что моя жизнь? Что дала мне эта любовь с той самой минуты? Что она дала мне? Боль? Бесконечную. Нет, ты не права, ведь были минуты, часы и мгновения, когда я видела его глаза, я не дышала, я жила, как же я счастлива была!

Но сейчас... что моя жизнь? Лилит, малышка, зачем тебе такая несчастная тетя? И нет сил жить ради тебя, Лилит, потому как завтра ничего не изменит. Ничего.

Джули... это не ты, не ты сидела в той машине, это я! Я! Ты так хотела жить.

Глупый мальчишка выскочил на встречную, может

быть, он хотел умереть, но зачем он забрал тебя с собой? Нет, если умирать, то тихо, чтоб не задеть.

Не нарушить тихое дыхание жизни. Ты слышишь?

Ах-ха-ах-ха – это дыхание жизни. Не мое».

Я погружался, как в воду, как в музыку, я погружался в ее мысли, в этот ворох памяти. Прочитанные письма, как осенние листья, лежали у меня на столе. Играла музыка, записанная ею для Джули, она смотрела на меня со стены, она и Лилит. Книги из ее библиотеки лежали разложенными по всей комнате, не все, но те, что я нашел у себя. Она словно зашла ко мне в кабинет, словно зашла в мою душу, в мою жизнь.

И мне хотелось больше. Я как наркоман тянулся к папке, как к пачке сигарет, и новое письмо оставалось дымом и прикусом кофе во рту, ужасного дешевого растворимого коф.

Фото. Черное полотно и Софи, одиноко стоящая посреди кадра, опустившая голову, она куталась в шаль, словно в простыню, закрывая тело, закрывала душу. Не видно лица.

Я знал: послание на обороте.

Она писала:

«Хроники одиночества.

Я никогда не знала одиночества. До этой минуты.

Когда я родилась, нас было уже Двое: я и моя сестра – Фи-фи и Джусу-джусу – я не знала и не думала, что может быть иначе.

Но однажды я поняла, что в мире есть мальчишки, это

было уже в начальной школе. Такие смешные, такие непонятные. Один из них стал мне Другом. Так нас стало Трое: я, моя сестра и мой друг – Софи, Джули и Алекс. И мне было хорошо, и я была счастлива.

Но однажды я влюбилась – не знаю, зачем. Так у меня появилась Тайна! Правда, моей она была не долго, потому что Джули скоро все поняла, и она стала нашей. И моя жизнь стала полной: у меня была Сестра, верный Друг и прекрасный Принц – и я была счастлива.

Но однажды в моей жизни появилась одинокая девочка, странная, брошенная. Она хотела стать моей подругой. Так нас стало четверо.

И мы выросли. И с каждым годом мы все больше срастались в этой дружбе, а я все больше влюблялась. И я не знала, я не думала, что может быть иначе. И я верила, что так будет вечно, и еще, что прекрасный принц однажды станет моим принцем.

Я вспоминаю старшие классы – не было времени лучше. И я не знала, я не думала, что может быть иначе, что все это может исчезнуть из моей жизни.

Но однажды я уехала. Уехала, но точно знала, что это ничего не значит, ведь сестра останется Сестрой, друг – Другом, а брошенная девочка никогда не бросит меня.

Алекс этого не знал. Глупый, глупый мальчишка.

Так нас стало Трое: я, моя сестра и Леся. А как же Принц? Нашел себе другую принцессу, а мне пришлось по-

взрослеть.

И так было долго. Но однажды я решила разрушить свою жизнь: сначала я разбила ее о прошлое, а потом махнула рукой и не стала склеивать. Ветер, дождь и печаль – много ли нужно, чтобы стереть с лица земли те осколки, обрывки, что от нее остались?... Странная девочка не выдержала этого...

Я ее понимаю. Так нас осталось Двое. Глупый мальчишка на черном авто.

Я осталась одна.

Я долго не знала, как назвать пустоту внутри. Теперь понимаю: ОДИНОЧЕСТВО».

Я еще раз взглянул на фото и повесил его на стену.

Малышка Лилит, Софи, Софи и призраки. Наши призраки – я, Леся и Джули – мы стояли рядом с ней, мы слились с черной материей, мы бросили ее. Я бросил ее первым. Глупый мальчишка. Я даже не заметил, как потерял Друга.

Где я сейчас? Что со мной? Ты наказала меня, Софи? Ты наказала нас? Меня и Олесю, которая никак не расстанется с твоим домом, с твоей жизнью, со своей памятью и чувством вины. Ты наказала нас.

Мы сами сделали тебя такой жестокой.

Я взглянул на фото еще раз. Черт знает откуда взявшийся лунный отблеск лег на влажный черный глянец. Я смотрел на фото в неуверенном свете ночной лампы и видел нас, вернее,

наши тени, нет, призраки. Наши призраки – три невесомые сущности – скрывались в глубине снимка, вот только двое из нас были до сих пор живы.

Живы... Я усмехнулся. Да, пожалуй, медики назвали бы меня живым, но вот философы, особенно идеалисты, – вряд ли.

Я ненавижу переводить лирику, особенно женскую. События уместились бы в пару глав, глубина мысли тоже не впечатляет, зато отстраненных размышлений с излишком, и еще этот, как его там называют критики? Богатый внутренний мир героя. Может, и не богатый, но прописанный до мелочей. В динамике. И претензии на философию. Впрочем, этим сейчас многие грешат. Но это не самое страшное, потому что самое страшное – эти едкие фразы, врезающиеся в мозг.

Я не умру, ты ошибался.

Я просто перестану жить...

И можете не пытаться, откуда эти две строчки, – хоть убейте, не вспомню – чей-то перевод редактировал. По-моему, с французского.

Я подошел к окну. Малышка Софи! Как много я бы хотел тебе сказать. «Как много» – избитая фраза, за которой лишь пара слов или даже меньше, или просто туманное ощущение, что нужно что-то сказать, где-то сродни чувству вины.

Мне было грустно и даже больно. На улице чуть распогодилось: медленно выплывала из-за соседнего дома луна, и

кое-где даже были видны звезды.

Я подумал, что у меня есть свои Хроники одиночества, что друзей я не терял, а выкидывал, что никогда до конца не разобрался, кто из них действительно чего-то стоит, что в нашей приятельской компании только Димка – Друг. И что я сам виноват.

Я хотел вспомнить всех женщин, которых любил, и не смог – их просто не оказалось. Я попытался перечислить тех, в кого был влюблен – и не смог – их было слишком много. Зачем? Зачем их было так много?

Было уже поздно, и я подумал, что неплохо бы выспаться. Мерный звук уходящего времени да еще кофейно-никотиновый привкус во рту уносили мою память все дальше, туда, где я, кажется, вообще ни о чем не думал, ведь иначе как бы я наделал столько глупостей?

Помню, как впервые пришла сюда Софи (я тогда еще жил здесь с родителями) мы что-то отмечали, вся наша компания собралась у меня дома. Разбредаться начали только под утро и, конечно, главное слово, которое звучит в 5 утра, – КОФЕ.

Помню, Софи смеялась:

– 8 чашек – это вам не шутки! Саш, достань кружки, стаканы там, не знаю, а я сварю кофе.

– Да, Соф, не надо, там растворимый есть... был, кажется, – но мое сопротивление было неубедительным...

– Э-не, эт не кофе, а водичка будет. И не спорь, сейчас вы все у меня проснетесь, хватит зевать.

Да... я помню этот запах, а еще, как я пытался объяснить маме, что случилось с ее любимым заварным кофе, который я в жизни не пил.

Как странно. Я вполне мог забыть Софи, но не ее кофе. Может, это и есть одиночество?

Новая глава

Все носят маски. Знаю, эти слова уже давно стали прописной истиной, и теперь уже ими никого не удивишь, но... Но для меня это всегда было большим, чем просто слова, это девиз, это кредо, это стиль жизни.

Все играют, претворяются и лгут. Я никому не верю так, чтобы до конца, так, чтобы без сомнений, и не прошу верить мне. Друзья предают, а клятвы любви и верности оборачиваются прахом. Мне говорят: ты заблуждаешься, что ж, вы тоже, так давайте не будем мешать друг другу!

Возможно, это несколько грубо и где-то даже аморально, но я никого не пытаюсь обратить в свою веру. И просто живу. Как там у Шекспира? Вся жизнь театр, и люди в нем актеры? Тогда я играю лицо под маской, а что на ней – решайте сами, только в душу не лезьте. Я же вашу не трогаю.

Надо сказать, что подобная философия пришла ко мне довольно рано, но, что важно, она стала следствием моего поведения (а не наоборот) – я просто никогда не делал двух вещей: не лгал и не говорил правды.

Но вот сегодня утром я смотрел на себя в зеркало и не мог понять: меня многие считали отличным парнем, преданным другом и просто хорошим человеком, а был ли я им когда-нибудь?

Я наблюдал... я наблюдал, как посторонние становились мне друзьями, а родные – посторонними, как в меня влюблялись и меня бросали... как уходили из моей жизни со слезами или улыбкой... и единственный друг – это не моя заслуга, а его. Я даже не заметил, как ушла из моей жизни Софи, как мои родители построили дом, как Марина нашла другого, наверное, более чуткого.

Софи... Ах, если бы знать, что все получится именно так, как много я спросил бы у тебя! Как ты читала души, Соф? Как находила ответы на вопросы, которые мы еще не могли осознать? Как ты смотрела в глаза, а читала мысли?

Что за бред?! Если бы не эта папка, когда бы я узнал о твоей смерти? Да неужели бы вспомнил о тебе?!

Я смотрел на себя в зеркало и понимал, что мне никуда не деться от мысли, что я чудовище. Нет, я просто боюсь жизни.

Я много курил, еще больше думал, старался работать, словно мне есть дело до этих лживых страстей. Имя Олеси на дисплее моего телефона меня не удивило, разве что вызвало интерес.

Она сказала, что сегодня поедет к Софи и предложила присоединиться. Конечно, я не отказался. Она назвала адрес, и мы договорились встретиться там.

Оказалось, мы с Соф были почти соседями, даже странно, как мы ни разу не встретились. Разговор не клеился вплоть до того момента, когда Олеся вставила ключ в замочную скважину. Она дважды провернула его в замке, повернулась ко мне и с печальной улыбкой сказала:

– Добро пожаловать в святая святых!

Я мялся у порога. Она говорила что-то о том, что Соф жила здесь все время с тех пор, как приехала после института, что квартиру выбирала сама, что она большая и светлая и что она не звала и не пускала сюда никого, кроме самых близких, а я слушал и не слышал.

Я мялся у двери. Я словно попал в иной мир, мир, давно заснувший. Тишина пустой квартиры была для меня ужасно громкой, словно квартира знала, что ее хозяйка уже никогда не переступит порог. Я подумал, что не бывает такой звенящей тишины. И вдруг Олеся замолчала. И вот тогда мы стали на равных.

Я мялся у двери, она стояла посреди прихожей. И ей тоже было страшно в этой тишине.

Мне было душно, мне было тесно, я хотел оглохнуть в этой тишине, чтобы больше не слышать, не знать этой тишины, чтобы она была последним звуком в моей жизни.

Я поднял глаза и увидел... Небо – как глоток воздуха, как вопль жизни в этой тишине, лоскут безмятежной лазури у меня над головой. Небо обрывками было разбросано по белому потолку: чистое, облачное, утреннее и звездное, две

грозы и закат – оно плыло надо мной, такое честное, такое громкое и странно живое. Я дышал этим небом.

Я посмотрел вокруг, словно внезапно перенесся в другую реальность, в другую плоскость бытия. Я вдруг увидел пу-стую скамейку на стене и вспомнил слова Олеси.

– Это первый снимок, да? – спросил я. – Тот самый, та самая скамейка, да?

Она лишь кивнула. Самая обычная скамейка в нашем парке, самое обычное фото. Еще десяток, если не больше, таких же висело на стенах. Парк, парк: осенний, летний, зимний, город, улицы, дома... Я знал их, знал, где они находятся, и даже на полу была бульварная плитка и кое-где пробивалась трава. Они заняли собой всю прихожую, впрочем, нет, не заняли, наоборот. Эти снимки были словно маленькими форточками, форточками в прошлое, наружу. Я шел по коридору, заглядывая в эти окошки, больше похожие на замочные скважины.

На двери одной из комнат была улица, она спускалась вниз, к морю, и казалось, что ты вот-вот почувствуешь запах волн. Я знал, что где-то рядом, под фонарем, играют музыканты и вокруг стоят парочки и те, кто только ищет свою пару, что прямо на набережной, свесив ноги над водой, сидят и курят те, кому есть о чем поразмыслить. Я нащупал в кармане сигареты и тихонько толкнул дверь.

Сначала я увидел море, оно было здесь повсюду, а потом уже – пепельницу на журнальном столике. Я обернулся, Леся

стояла прямо у меня за спиной:

– Разве Софи курила?

– Как видишь.

Мы сели на маленький диванчик, и я понял, что в этой комнате нельзя не курить. И дело не в том, что сигареты, зажигалка и пепельница оказались прямо под рукой, нет, а просто, просто не знаю, по-моему, табачный дым прописался здесь на века, и даже Олеся выкурила со мной сигаретку за компанию.

– Это ее рабочий кабинет, – сказала она. Ее любимый диванчик. Она сидела здесь часами, размышляя над очередной головоломкой. Тогда к пепельнице на столике присоединялись огромная кружка кофе, сыр и шоколад. Поэтому здесь так много моря.

Она говорила: «Море освобождает мысль».

Я вдруг понял, как она права в этом. Я словно несся в пространстве над водной гладью вслед за своими мыслями, но они были быстрее. Я слушал слова Олеси, и медленно в моих мыслях всплывала эта комнатка глубокой ночью: наверняка горел этот ночник, окно открыто и холодно, кофе остыл, а в пепельнице куча окурков и наполовину выкуренных сигарет и папка на коленях. Софи что-то пишет на белом листе, то и дело поднимая глаза на это море, в мягком тусклом свете лампы его очертания лишь немного угадываются, но она уже помнит его наизусть, помнит то чувство, которое навсегда застыло на глянце. Чувство, которое не разгадать посторон-

нему. О чем она думала, делая снимки?

Олеся молча встала и оставила меня одного. Она чем-то шумела и шуршала, что-то мыла и вытирала пыль, старательно делая вид, что пришла сюда именно за этим, но я уже успел понять, что эта квартира просто не отпускала ее. Она поймала девушку в свои сети и не выпустит уже никогда. Сети прошлого, того, что не сделано, того, что уже не вернуть. Я знал, что сейчас она думает о том, чего не успела, где ошиблась, она укоряет себя за то, чего не изменить. И это ее пытка.

Я пошел дальше. В гостиной были люди, в основном черно-белые. Готов поспорить, никто из них даже не подозревал, что стал частью странной коллекции человеческих лиц и жизнью, частью маленького настенного мира.

Но меня поразила спальня. Под фотографиями не было видно стен. Леся оказалась тут как тут, стоило мне открыть дверь.

– Она говорила, что здесь вся ее жизнь. Комната счастья.

Тут была Софи, Софи... Софи в детстве и уже совсем взрослая, родители, Лилит, свадьба Джули, куча друзей и даже я. И все улыбались, десятки улыбок. Я заглянул в каждый снимок. На одном я держал Софи на руках – это был выпускной, я никак не мог вспомнить, почему его нет у меня...

Я заметил, что там нет Сергея, но не спросил. А еще не спросил, есть ли здесь Он. Я был уверен – Олеся не скажет.

Мы выпили кофе на лоджии, я смотрел, как солнце са-

дится в небольшой сквер. Отсюда был виден кусочек моего дома, но он казался каким-то далеким, нездешним. Здесь, в этой тихой квартире, все перепуталось. Вид из окна казался чужим и унылым, и я даже забыл, что есть другая жизнь. Я понимал, что невесомые сети поймали и меня тоже, но не хотел, не собирался сопротивляться их теплomu плену.

Я зачем-то рассказал ей о письмах, но она лишь посмотрела на меня. Кажется, в глубине ее глаз блеснула искорка любопытства, но она промолчала. Может, она что-то знала, возможно, могла мне рассказать, но вот только она поняла, что я должен разобраться сам. Наверное, разобраться и в себе тоже.

О звуках

Я оставил машину на стоянке и шел домой пешком. Декабрь. Сыпал мелкий снег и совсем не было ветра. Мои мысли скользили где-то вдалеке. Какие-то картинки всплывали в памяти и рассеивались, едва обретя четкость линий. Иногда я улыбался им. Одно воспоминание цепляло другое, и я вертелся в этом калейдоскопе, ведомый странной логикой моих мыслей. Я не мог понять своего состояния, своих желаний. Я чувствовал, что хочу остаться здесь, прямо тут. Я поднял глаза к небу, но оно не смотрело на меня. Я пытался уйти от себя, но кому это удавалось? Я хотел молчать и молчал. Я искал встречи, не с кем-нибудь, а просто встречи.

Меня пугали люди, которым я небезразличен: они слишком дотошны в изучении моей души. Любопытны. Я боялся не сохранить. Но что я хранил?

Мой дом показался мне пустым. От свободного пространства веяло холодом. Его было слишком много. Я не включил свет. Я не был голоден. Меня не было здесь, меня вообще еще не было.

Послушай, Это Жизнь! Послушай, послушай, послушай! Это слезы. Это рыдания, это крик в ночь, это словно каждая клеточка моего тела больше не хочет существовать.

Боже, Как плохо! Ужас как плохо! Кто я? Кто я? Кто я, где я? Где моя жизнь? Чем я живу?

Ничего, ничего, никого. Только...только эти люди вокруг, которые не знают, которые не слышат. Я не хочу! Не хочу людей, для которых мои слезы – просто слезы.

Я не могу, не могу. Я, как волна, разбиваюсь о неведомый мне берег. Я ослепла.

Что со мной, что? Откуда эти слезы? Что случилось? Нет ответа. У меня нет ответа, только сердце кричит, вопит от боли. Этот вопль сводит меня с ума.

Жизнь, Жизнь, Жизнь, я не хочу! Это не жизнь! Я устала жить. Я устала не чувствовать жизни.

Я просто знаю, что надо дышать, говорить и улыбаться. И жизнь вокруг, но не внутри меня. Внутри только тишина. Тишина этой квартиры, она душит, давит. Я сижу

в кухне на окне и не могу понять, что удерживает меня на подоконнике. Какова скорость свободного падения? Жаль, что здесь невысоко.

Странные мысли, мысли о смерти. Жизнь отвергает их. Их принимаю я.

Послушай, это ТОЖЕ жизнь. Но зачем мне она?

Софи кричала. Я продолжал молчать. Это было похоже на оцепенение. В папке лежали фото. Софи, Софи... Не меньше десятка ее фотографий. Ни на одной она не смотрела в объектив. Я подумал, что она не знала, что ее снимают. И нигде она не улыбалась. Я видел тень мрачных мыслей у нее на лице. Именно мрачных.

На обороте одной из них было написано:

«Ты всегда улыбалась всем, кроме себя. Влад»

И номер телефона.

Я еще раз посмотрел на каждую фотографию. Я брал их по одной, смотрел, подходил к стене и прикалывал булавкой. Я подумал, что они все были сделаны не здесь, а значит, пять ее студенческих лет легли на мою стену. Захотелось позвонить этому парню. Видимо, они учились вместе. Должно быть, он неплохо ее знал, но было уже за полночь.

Я долго не мог заснуть. В моем сознании невыносимая тишина и крик безысходности слились в единый звук, терзающий не слух, но душу. Я не мог представить Софи в слезах. Всю ночь я видел перед собой распахнутое настежь окно и чуть колышущиеся невесомые шторы.

Я так и не понял, смог ли заснуть.

Серпантин

Весь день у меня из головы не шел неведомый мне Влад. То и дело я брал телефон, но не решался набрать номер. Что я ему скажу? Я был непривычно раздраженным и дерганым. Благо, в пятницу можно уйти чуть раньше.

Я сидел в своей машине и не знал, куда ехать.

До сих пор не понимаю, как так получилось, словно это совсем не я рывком схватился за телефон и нажал кнопку вызова. Я молился, молился! Молился, не поверите, чтобы трубку не взяли, сбросили вызов, но через два гудка я услышал спокойный мужской голос. И тут я вспомнил Сергея. Сколько смелости понадобилось этому человеку, чтобы прийти ко мне?

Не помню, что я сказал, но Влад ответил:

– Вы живете в одном городе с Соней?

Я выпалил утвердительный ответ.

– Тогда приезжайте.

Вот так просто: «Тогда приезжайте». Должно быть, он действительно очень хорошо ее знал.

И что вы думаете? Я поехал. Какие-то 160 километров вдоль побережья.

* * * * * Посторонние размышления * * * * *

Я часто вспоминаю Гераклита. Дважды в одну реку не войдешь. Никто не станет спорить с этой непреложной истиной. Действительно, утерянного не вернешь, и никто не возвратит упущенную возможность, несказанное слово навсегда останется ненужным.

Но не это заставляет меня возвращаться к древнему философу вновь и вновь.

Мы часто слышим «Дважды в одну реку...» в отношении людей, которые мечтают вернуть любовь. Им в ответ качают головой: «Не войдешь, мол, не войдешь». А я чувствую, что они ошибаются. Ведь не то сказал мудрец: «меняется» – не значит «уходит».

Я часто думаю об этом. Все мое естество, вся моя суть против этой обреченности.

«Дважды в одну реку не войдешь», – повторяем мы и смотрим на тех, кто вновь и вновь пытается вернуть утерянную близость, как на глупых детей. А те, кому это удастся, становятся героями. Они те, кто победил закон, это даже сложнее, чем преодолеть закон земного притяжения, это как победить закон подлости, Закон Законов, закон потери... но неужто это исключения, лишь подтверждающие общее правило? Я отвергаю это правило.

*Римляне сказали: *Нипанит erare est* – человеку свойственно ошибаться. Наше личное право на ошибку... его никто не сможет отнять. Так значит, есть право на еще один*

шанс?! Значит, можно все исправить?! А как иначе? Ведь разве возможно право на жизнь без права дышать? А как же право на счастье?

Но как же? Как быть со злосчастной рекой, в которую не войдешь дважды? Я долго искала слова, чтобы крикнуть: «Вы Заблуждаетесь!» – но слов не было.

Сегодня утром я гладила рубашку и вдруг поняла очевидную истину.

ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ НЕ ВОЙДЕШЬ.

Но что такое Река? Разве о берегах над водой говорил Гераклит? Нет!

Дважды в одну ВОДУ не войдешь.

Она течет, она меняется, она уходит. Но разве мы ищем ту же воду? Разве мы стремимся вернуть прошлое, прошлые отношения? **НЕТ!** Зачем? Они не нужны нам. Они привели к разлуке, они привели к потере.

Мы приходим на тот же берег – к любимому человеку, которого потеряли. Мы ищем в устье реки новую воду: чище или теплее... и кто знает, быть может, найдем? Все возможно! Ведь весной река глубже и быстрее, а летом теплее, а зимой она, может случиться, покроется льдом. И в наших силах построить новые отношения с тем, кого однажды потеряли, как никто не запретит прийти на старый берег, чтобы найти свою волну, чтобы, пройдя вниз или вверх по течению, найти свое место у этой реки (если она не против), чтобы построить дом, где тебя любят и ждут...

ВЫ ЗАБЛУЖДАЕТЕСЬ!

Не в воду, но в Реку можно войти сотню раз!

Но стоит ли?...

* * * * *

Я думал о том, что в моей жизни, оказывается, очень много свободного места и, похоже, времени. В пятницу вечером я, никому ничего не сказав, срываюсь с места и мчусь по серпантину побережья на восток. И никто не заметит, а заметив, лишь удивится, чего это меня дернуло. Никто не ждет.

Я думал о Марине. Сегодня мне сказали, что она вроде как собирается замуж. Мы расстались не так давно, что, впрочем, не значит, что она с ним недавно. Любил ли я ее? Что свело и держало нас вместе? Она сказала: «Я ухожу». Я помогал ей собирать вещи. Не скажу, что я ничего не чувствовал, закрывая за ней дверь, но я не знаю, как назвать это чувство, ключи, оставленные на тумбочке. Я не стал разбираться в названиях.

Я думал, глядя на ровно-серое полотно дороги. Думал о Софи, о том, зачем мне все это, это чужое прошлое. Спрятать в дальний ящик, а лучше – отвезти ее родителям.

Но это все мысли. Нечто большее, чем сухие размышления, связывало меня и Соф.

Я остановился у смотровой площадки. Я стоял над обрывом. Внизу, под скалой, у самой кромки воды лежал город,

он светился всеми возможными огнями. Декабрь. Темнеет быстро.

– Какое сегодня число? – спросил я вдруг.

– Двадцать девятое, – удивленно ответил я.

– Ба, парень, да через два дня Новый год! Вот я идиот все-таки! Скоро Новый год, Софи!

Я улыбнулся мысли про Новый год, хотя не скажу, что я большой поклонник этого праздника. А потом я подумал, что еще не придумал, что буду делать в ночь с 31-го на 1-е, и мне стало грустно, совсем чуть-чуть. Я смотрел на волны, их очертания еле угадывались, но я чувствовал море. Я никогда не задумывался над этим. Здесь далеко до воды и даже плеска не слышно, но я чувствую, что море совсем рядом, наверное, это чувствуют все, кто родился на берегу большой воды: такой личный маяк, компас внутри, который всегда показывает на море.

Я дрогнул и глянул на часы – нехорошо, я приеду совсем поздно.

Влад оказался приятным и умным мужчиной. Мне трудно объяснить, о чем мы говорили.

Он все время называл ее Соней.

Они общались в универе, но не стали друзьями. Он был в нее влюблен, а она держала его на расстоянии.

Он говорил, что Соня была веселой милой девочкой, немного наивной. Красный диплом – вот уж точно не удивил!

И мне казалось, мы знаем разных людей.

Я взял у него пару фотографий (это он подарил ей первую камеру), как не похожи они на те, что остались на моей стене. Я спросил.

Он сказал, что для него это тоже загадка: такая легкая, веселая и любимая всеми, оставаясь наедине с собой, она словно уносилась куда-то вдаль.

– Я спрашивал, о чем она думает, но Сонька отвечала лишь...

– Да так, – закончил я за него, – и улыбалась.

Влад кивнул.

Я подумал, какие мы разные и понял, что мне пора.

Мне предложили остаться на ночь. Может, из вежливости, может, и правда.

Я отказался. Я искренне и с удовольствием пожал ему руку и только тогда заметил кольцо.

«Надо же, а он женат», – подумал я, и в ответ на эту мысль из комнаты выглянула маленькая серенькая женщина. Вежливо кивнув, она осведомилась, уверен ли я, что не останусь – ночь все-таки, и заеду ли еще, позвала на обед или ужин на праздничной неделе и сказала, что мне здесь всегда рады. Я отвечал ей мягко и очень осторожно. Ненужные стандартные светские фразы. Я изучал «мышку».

Я попрощался и вышел. В моем сознании никак не могли сопоставиться Софи, о которой он говорил с таким восхищением, и «мышка», так на нее не похожая. Интересно, она

знала ее, о ней? Знала, что его память хранит идеал, которого ей никогда не превзойти? Идеал, которого больше нет.

Как похожи их судьбы – Софи и Влада. А знала, понимала ли она, что обрекает парня на те же муки, что испытывала сама? Какой разный исход. Сколько их, тех, кто был влюблен в мою Софи? А она любила только одного. Уверен, для каждого из них Соф осталась мягким светлым комочком в душе, которого так приятно касаться.

На обратном пути я опять остановился на смотровой. Я смотрел на засыпающий внизу город, курил и думал о том, что пропала тайна, заставившая меня впервые развязать папку, манившая когда-то, как ароматный кофе.

– Твой кофе, Соф, – сказал я вслух и улыбнулся.

Исчезла тайна, азарт... Это больше не было игрой, пропал интерес, интрига – все, но что-то другое связывало меня с малышкой Софи теперь, что-то теплое и тихое.

Глядя на тоскливый огонек «парламента», я понял, что мне, в общем-то, все равно, кто этот человек, которого любила Соф, пусть даже я его знаю или знал, потому что не он ее убил и не Олеся, и не боль, и не одиночество, и даже не любовь. Она просто не умерла, моя милая девочка.

– Правда, Соф? Что за глупости, малышка?!

Я улыбнулся и погнал домой.

Мелкий снежок пылил над дорогой, а я улыбался и думал, что здорово, если на Новый год будет лежать снег – большая редкость.

Снегопад

«Послушай, Джули, это Жизнь.

Я слышу, как она ровно течет сквозь меня. Я раньше не слышала, не знала, что жизнь уходит, уходит с каждым мгновением.

Жизнь течет, как время. Жизнь и есть время, потраченное время. И очень важно потратить его правильно, потому что время уходит и уводит нас за собой. Просто время – это тоже Жизнь. Ты думаешь, я запуталась? Нет, я, наконец, разобралась.

Вот и моя жизнь уходит, как эта осень. Осень уходит. А я люблю осень...

Мама волнуется за меня. Я ее понимаю. Я бы тоже за меня волновалась. Но за себя я не волнуюсь.

Нет, я не запуталась. Я понимаю, о чем говорю.

Я вообще сейчас многое понимаю. Правда, многое следовало понять много раньше... Почему одни и те же обороты одни называют тавтологией и повторами, а другие – игрой слов?

Игра слов. Игра в слова. Мне кажется, я всю жизнь только и делаю, что играю в слова. Играю словом «любовь». Одному даю, у другого забираю, а ведь оно только мое. Моя любовь. Никому не нужная, нет, Ему не нужная.

Я только сейчас (а это ужасно поздно!) поняла, что

потратила свою жизнь, свое время на служение детской мечте. Боже, как глупо! Я смотрю на Лилит и понимаю, что ошиблась. Ошиблась, потому что не смогу родить ребенка любимому человеку, потому что люблю не того...

Как же запутанно все казалось, а как оказалось все просто.

Прости меня, Софи!

Уходит осень. Лист, еще лист. Была когда-то книга о девушке, которая решила, что умрет, когда упадет последний лист...

Я хочу уйти вместе с осенью. Куда уходит осень?

Джули, если несложно, пожалуйста, узнай для меня, куда уходит осень и можно ли мне вместе с ней?

Соф».

Всю ночь сыпал снег. Как оглашенный. Хлопьями, хлопьями. Мы в детстве говорили «лапаты» – забавное слово. А еле живой фонарь у подъезда стал и вовсе похож на маяк.

Я думал о том, что уходит год. И после двенадцати будет уже тридцатое, а я не купил подарки. И елку. Хочу купить елку в этом году. Живую елку. И не решил, куда пойти на Новый год. Останусь дома. Просто нет желания участвовать в этом массовом карнавале. Опять.

Такая длинная ночь, когда все верят, что завтра будет совсем другая жизнь. И завтра утром прямо в пять, пока еще не легли спать, все разом бросят курить, сядут на диету и най-

дут достойную работу, выйдут замуж, женятся и разведутся, и обязательно будут теперь навещать родителей чаще. И еще один шанс начать все сначала. И все, как заговоренные, загадывают желания под бой курантов, вместо того, чтобы сделать хоть что-нибудь для их осуществления. А куранты – просто большие часы.

Волшебная ночь до рассвета, когда все так честно врут себе. Честно, потому что искренне.

А потом будет утро, точнее, день ближе к вечеру, и гости: родные, друзья и соседи, и жизнь медленно направится в привычное русло, и все та же работа, которую вряд ли бросят, и новый шанс тоже вряд ли используют.

А у меня будет иначе, первый раз будет иначе.

Я лежал в своей постели в обществе подушек и одеял и смотрел в незашторенное окно, как сыплет снег. Как оглашенный. Хлопьями, хлопьями. Как в сказке.

Иногда я вставал и подходил к окну. Я смотрел из темноты своей комнаты на белое покрывало и сугробы, наверное, чуть не до колен, и думал только об одном: «Лишь бы не растаяло к утру». Как в детстве: лишь бы не растаял. Я вспомнил чистую, светлую радость (почти восторг!), с которой я выбегал в этот снег. Снег, какой бывает даже не каждый год.

Я думал о том, как тихо и, кажется, встали часы, а год все уходит, тихо и совсем незаметно, этот грустный год.

В такой тишине остаешься наедине с собой.

Я смотрел в глаза самому себе, отраженному в зеркале

собственного молчания. В моей памяти текли, словно по водам тихой реки, строки из писем, случайным адресатом которых я стал. А имел ли я право? Как послание в бутылке, волны судьбы прибили к моей двери чужие письма – личный дневник.

Я думал о том, что с каждой упавшей снежинкой уходит год, мое время, моя жизнь. Я не ждал этих мыслей так скоро.

Тихо в мою комнату вошла Софи, вошла и села в кресло у окна. И пусть я не видел ее, она была там. Мы смотрели в окно, а снег все сыпал. Как оглашенный. Хлопьями, хлопьями. Может, снег скрывал ее следы?

Я хотел спросить: «Софи, почему ты ушла? Если было так плохо, почему не кричала о боли? Ведь нельзя изменить только смерть, почему опустила руки? Почему ты ушла, Софи?»

Но я не спросил.

Мы смотрели в окно, и я сказал:

– Софи, останься до утра.

И все-таки встали, должно быть, часы, но я точно слышал, как тает время, тает медленно, почти незаметно. И утро тихо крадется к воротам.

Я точно помню, что не спал. Я смотрел в окно и видел комнату, скрытую от мира, от вечности, от посторонних. И было не по себе. И было немного страшно. Хотелось вскочить, включить везде свет и музыку, сделать горячий чай с лимоном и бутерброд побольше и позвонить срочно. Диме,

а может, отцу. Но я знал, это скоро пройдет.

А снег все сыпал. Как оглашенный. Хлопьями, хлопьями. И я понял, он хочет спрятать меня.

Я в этом снегу ослеп и оглох. Отрезан от реальности. И никто не нарушит хрупкое дыхание жизни в моей комнате, хрупкое дыхание, которого я не слышу. Я закрыл глаза. Я пытался услышать дыхание жизни, но слышал лишь свое собственное. Я хотел услышать тишину внутри, но ее заглушало биение сердца. Я стремился постичь свою душу, но не нашел ее. Только мысли. Мысли текли в моей памяти, заглушая меня самого.

Ерунда и ересь. Надо купить мандарины, как в детстве. Новый год – ступень, рубеж, Рубикон? Просто ночь с 31-го на 1-е. И утро ничего не изменит, и в дверь мою не постучит новый шанс. Новый шанс мы создаем сами.

– Почему ты ушла, Софи?

Но она смотрела в окно, где все сыпал снег, где медленно и подлю к стеклам подбиралось утро.

Я падал, падал где-то. Я снег. Тихий, спокойный и светлый.

Я открыл глаза. В кресле у окна было пусто. Плавающая стрелка моих часов привычно плыла по кругу. Солнце залило весь двор, и ровные холмики сугробов сияли, отражая холодные лучи. Детвора уже всюю носилась на санках, кида-

лась снежками и что-то лепила, громко крича от восторга. Я улыбался.

Я точно помню, что не спал.

Новый год

Тридцатое закружило приятными хлопотами. Я уже и забыл, что бывает другая жизнь: без тяжелых размышлений, без одиноких мыслей, без пустоты внутри. Я чувствовал, как солнце касается лица, и закрывал глаза в этом детском умилении. Я ходил по магазинам, магазинчикам и лавочкам – покупал подарки. Мне загадочно везло на забавные вещицы: давно обещанные отцу шахматы, симпатичные елочные шарики, и даже Аньке я купил подарок, да что там, даже продавцы мне попадались все как на подбор улыбчивые и милые. И все говорили: «С наступающим!» и еще: «Веселых праздников!» – прямо как в наивном семейном кино.

Только было странно грустно, совсем чуть-чуть. Такое странное чувство грусти на самом краю, словно печальный ангел парил за спиной. Иногда, засмотревшись на детей с красными на морозе щеками, я оборачивался, но никого не видел. Тихий голос молчал внутри меня. И я не мог понять, о чем он молчит.

Я справился с подарками на удивление быстро. С елкой было сложнее – тридцатое все же... Вечером, доставая игрушки и гирлянды, я вдруг поймал странную улыбку на сво-

ем лице. Я думал: что бы она могла значить? Я думал, что ужасно грустно наряжать елку в такой тишине, ужасно, когда никто не смеется в преддверии сказочного праздника, когда улыбка печальна, когда она от безысходности.

А новый год, как Рубикон, подбирался к моему порогу.

Утро внезапно ворвалось в мое сознание. Я проспал.глянул на часы и вскочил с кровати так резко, что закружилась голова. Даже если бы я прямо сейчас влетел в кабинет главного редактора, то все равно опоздал бы на начало планерки. Вы не замечали, что когда звонит начальство, то даже телефон звучит как-то противно? Еще противнее, наверное, только будильник, хотя это все же спорный вопрос.

Впрочем, разговор с Мишкой тем утром получился забавный. Ах да, Мишка и есть мой главный редактор. Сразу после моего невнятного «да» он выпалил:

– Я знаю, что я козел, ублюдок, и вообще ужасней начальника не придумать, но если ты сегодня приедешь в издательство хотя бы на час, я дам тебе отгул в любой день по первой просьбе.

Я ничего не сказал. Я стоял, раскрыв рот и глупо хлопая глазами.

– Чего? – выдавил я из себя, лихорадочно соображая, где же я просчитался, мягко говоря: сегодня еще воскресенье или уже первое января?

– Саш, слушай, очень надо. И неплохо бы прямо сейчас.

– Ну, я как бы собирался, просто проспал.

Теперь молчал он.

– Зачем? – по-моему, глупый вопрос, хотя начальству, конечно, виднее. Это сарказм.

– Ну, сегодня же понедельник.

Готов поспорить, что Мишка подумал: «Кто из нас двоих идиот?» – потому что я подумал именно это. Но, надо отдать ему должное, он первый взял себя в руки. Ну а как иначе, он же главный. Это я шучу. Опять.

– Саш, а ты не слышал, что Зоя (это наш Биг Босс – наша хозяйка) выдала всем по выходному 31-го числа, чтобы елку украсить?

Я подумал, что, видимо, совершенно оторвался от реальности, но это меня ничуть не огорчило. Здорово, сегодня выходной.

– Так ты приедешь?

– Да, конечно, буду через полчаса, если дороги не перероют.

– Не сегодня, Саш! Новый год, помнишь? Жду.

Сказать, что у меня было отличное настроение, – ничего не сказать.

Дел в издательстве действительно было на час. Я подумал, что это, пожалуй, впервые. Наверное, просто Миша спешил домой. Я знал, что у него двое сыновей.

Я еще немного задержался после того, как мой обожаемый начальник унесся домой со скоростью голодного гепарда. Он

действительно отличный парень. Серьезно. И я искренне пожелал ему не встретить никого на дороге.

Я подумал, что в редакции тишина совсем не такая, как дома. Она выталкивала меня из своих владений, но я сопротивлялся: надо кое-что доделать, раз приехал. Мне-то спешить не к кому. Было не по себе. Я сказал:

– Ну что, Софи, посмотрим, что тут у нас?

И улыбнулся.

К обеду пошел снежок. Не снег, а так, снежок. Легкий, немного суетливый. Не думаю, что мой ужин можно назвать праздничным, но по такому поводу я позволил себе купить бутылочку хорошего шампанского. Странно, но 31 декабря может показаться самым обычным днем, если ты не собираешься праздновать. Впрочем, меня хотели переубедить, но настроения не было.

Новый год начался в 21.00: я закончил уборку, готовку и прочее, поздравил всех, кого, как мне показалось, стоит поздравить, отключил телефон, сложил подарки для родных и близких под елку, накрыл столик в гостиной, налил себе шампанского и выключил везде свет. Было еще тихо, хотя, по-моему, у соседей начиналась гулянка. Тоже правильно.

Сначала было очень непривычно, мысли неохотно бродили в голове, я вылавливал их по одной, рассматривал, понимал, что они мелкие и глупые, и выпускал на свободу.

В темноте мигала елка. Быстрее, медленнее, красным, зе-

ленным, желтым, синим, всеми вместе...

Мысли, мелкие и невзрачные, сменяли друг друга чаще, чем гирлянда меняла цвет.

А потом я думал о Софи: «Сегодня не такой снег. Хотя здорово. Действительно Зима».

Я вдруг сказал:

– Софи, а помнишь, ты написала: «*Я не хочу холодов*». Наши желания далеко не всегда что-то значат, правда?

Я вновь чувствовал, что она здесь, в этой комнате. И мне это нравилось. Я знал, что она сидит на полу под елкой и смотрит на мерцающие огоньки. Я не видел ее, но она была там. Мне казалось, я вижу ее силуэт в те мгновения, когда гаснут яркие праздничные лампочки и комната погружается в ночь. Я боялся не то что двинуться, шелохнуться, чтобы не потревожить невесомую тень моей гостьи. Она не смотрела на меня. Софи сидела, обхватив коленки руками, как маленькая девочка, как в детстве. Я не видел ее, что, впрочем, ничего не значит.

Я сказал ей:

– Софи, вот и Новый год.

Мне показалось, она стала печальней...

– Софи, Софи, – повторял я, как в бреду, вызывая из памяти лицо и глаза, в которые я больше не мог заглянуть. Софи, как хотелось взять ее за руку, и я сказал: – Софи, не грусти. Новый год – просто еще одна ночь, только немного длиннее, но лишь от того, что не спишь до утра.

Я вдруг понял, как тихо. Я, кажется, слышал, как снег ложится на карниз за окном, как новый завиток узора ложится на стекло.

Я спросил:

– Софи, это и есть Жизнь?

Я знаю, что она усмехнулась.

Жизнь... Я закрыл глаза и слушал. Соф говорила: «Жизнь течет...» Я слышал, как медленно умирала Сосна, ставшая под Новый Год Ёлкой. Тихо клонилась ветка. Как громко разбиваются шарики! Я вздрогнул и распахнул глаза – под ёлкой блестели осколки.

– Софи, а сердце разбивается так же?

Она что-то ответила – я точно знаю это, но я не услышал. Тогда я принес уже полупустую папку и зажег ночник. Я достал письмо, прозвав его про себя «новогоднее».

«Здравствуй, Джули.

Послушай, это Жизнь. Это наша Жизнь.

Я пишу, чтобы ты знала, что у нас все хорошо. Все идет своим чередом. Лилит снова начинает общаться с другими детьми – это здорово, потому что я немного за нее волновалась.

Сегодня мы пошли гулять в парк, знаешь, тот, что недалеко от нас? Его, оказывается, привели в порядок и здесь теперь очень мило. На детской площадке много ребят. По-моему, нашей малышке весело. Я сижу в стороне и пишу,

а она лишь изредка оглядывается на меня – проверяет, не ушла ли я. Я не ушла.

Иногда я смотрю на нее, и на глаза наворачиваются слезы. Бедная девочка. Почему Жизнь так жестока к детям? Это не честно, они ведь беззащитны перед ней. Впрочем, кто может защититься от Жизни?

Родители в порядке. Я знаю, ты волнуешься, особенно за маму, но она молодец. Я была у родителей Ника, по-моему, им тяжелей. Они часто берут Лилит к себе. Его мать сказала мне: «Я потеряла единственного сына». Я ей ничего не ответила. Что я могла ей сказать? Что у меня тоже только одна сестра? Что нашей маме не легче от мысли, что я жива? Если это можно назвать жизнью.

Я смотрю на мир со своей скамейки. Я смотрю на Жизнь. Мне очень спокойно сегодня. Я теперь поняла, что не принадлежу этому миру, что Жизнь во мне – не то же, что Жизнь вне меня. Зачем мне эта чужая Жизнь? А моей уже нет.

Мне говорят: «Нельзя так жить!» Я согласна. Но вовсе не потому, что я «не отпускаю прошлое», как они утверждают, а потому, что не вижу будущего, чего они не могут понять.

Мое сегодня длится слишком долго. И ему нет конца. Мир движется по спирали, моя спираль замкнулась в круг.

К чему мне завтра, если мое солнце восходит не для меня? Однажды я уйду из Сегодня в Вечность, вот только за-

кончу все дела.

Кто-то сказал: «Жизнь не в том, чтобы жить, а в том, чтобы чувствовать, что живешь». Как прав он был.

Я Вижу Жизнь, я Слышу Жизнь, но уже давно не Чувствую.

Послушай, это Жизнь. Детский смех. Свежий воздух. Прохлада осени. Золото платанов. Как же я хочу, чтобы никто никогда не понял моих слов. Послушай, раз уж больше мы не можем чувствовать.

Софья».

Она написала «Софья». Я выключил ночник. Ей было совсем плохо – она ужасно устала. Я знаю. Она говорила «Софья», когда уже не было сил улыбаться. Она тогда вдруг снимала маску, и ее лицо становилось жестким. Слишком жестким для милой юной девушки. Я знаю, она не изменилась.

Я знал. Она сидит на том же месте, в той же позе, не смотрит на меня, она сжала губы, и глаза ее остекленели, потому что она далеко. Она сейчас в том дне, на той скамейке, в той мысли, которая осталась невысказанной. Она всегда остается, эта мысль.

Я спросил:

– Софи, почему я тебя не вижу?

Она не ответила. Или я не услышал.

Я спросил:

– Почему ты не смотришь на меня?

Она продолжала молчать. Тишина все еще звучала внутри

меня. Такая громкая.

Я подумал, что не умею слышать. Не слышу, не вижу, не чувствую. Слепо-глухо-немой идиот. Почему немой?

А что значат мои слова, если в моих мыслях лишь суета и пепел?

«За ними нет Жизни».

– Соф, а я, выходит, тоже не живу? Что я чувствую? Чувствую, как шампанское ударило в голову.

Мои мысли уносились вдаль. За стеной что-то громко кричали, наверное, «Ура». «Новый год», – подумал я.

– Софи, Новый год. Новый. Куда уходит старый год? Куда уходят дни, потраченные не на то, не на тех?

– Не знаю, куда они уходят, но они точно не возвращаются.

Это была не моя мысль.

Четвертое

Праздничные дни проходят очень быстро. Особенно первые три.

Я был у родителей, ездил к Димке, и, кажется, Ане даже понравился мой подарок, впрочем, возможно, она хорошая актриса. А еще она сказала:

– Ты изменился, Саш. И сильно. По-моему, ты повзрослел.

Я не знал, что ответить на это. Что на это отвечают?

Я встречался с Олесей. Мы играли в снежки, и она подарила мне шарф – я не носил их со школы. Приятно.

А потом было четвертое. И я подумал, что неплохо бы пройтись.

Я шел по улицам города, я бродил, дикий и одинокий. Нет, я не могу сказать, что мне некуда было идти, просто не было места, куда бы я хотел пойти.

Перед глазами все еще мигали огоньки моей елочной гирлянды, и я не видел лиц вокруг, а лишь темные силуэты, в каждом из которых я ловил образ Софи, я гнался за ним, но он ускользал, призрачный и невесомый.

Я искал приюта и тепла, но вокруг было слишком много людей, этих людей, никогда не знавших моей Софи, я не мог оставаться среди них.

Я искал глаза, проникающие в душу, такие были у Соф, но глаза вокруг меня были пусты и бессмысленны, впрочем, возможно, они лишь казались мне такими. Я гнался за призраком, более того, я гнался за призраком, которого нет.

Иногда мне казалось, что она мелькнула где-то в шумной толпе, я кричал: «Софи!», но она исчезала, оставляя вместо себя чужие ничего не значащие лица.

Я стоял над обрывом, смотрел на грозное зимнее море, и ветер бил прямо в лицо. Я кричал, я кричал, как безумный, впрочем, вспоминая этот день сейчас, в тишине прошедшего времени, я понимаю, что это и было безумие. И сейчас мне

страшно.

Но не тогда, тогда я был пьян, пьян чувством близости. Я хватал ее за руку, но в руках моих оставался лишь воздух, холодный морозный воздух Нового года. Года, в котором никогда не будет Софи.

Не помню, как попал домой. Я очнулся лишь перед зеркалом. Я смотрел на свое отражение и не узнавал себя. Я прикоснулся к лицу, и мне казалось, что оно не мое, оно не живое, оно не из этой реальности.

Что-то мелькнуло за спиной, я резко обернулся. Софи смотрела мне прямо в глаза, я не видел ее. Неужели это мой смех разорвал тишину? Софи! Ты не оставляла меня! Софи!

Она смотрела на меня сурово и спокойно. Я пугал ее. Осознание ворвалось в мой мир пощечиной. Я вдруг подумал: что со мной?

Я спросил:

– Софи! Что со мной?

Она молчала и лишь тревожно смотрела в мои глаза. Я почувствовал ее прикосновение к моей душе.

– Софи. Останься.

Она не ушла.

Веселенький вечерок

Мы опять были вместе: Я и Софи – моя молчаливая гостья. Мне нравилось, что она со мной. Я смотрел на ее сним-

ки, и Соф оживала в моей памяти – она смеялась, болтала со мной о мелочах, грустила иногда и просто молчала вместе со мной. Софи писала:

«Послушай, это Жизнь»

И я понемногу начинал понимать ее слова. Это понимание осторожно подбиралось ко мне по тающему вязкому снегу, и я боялся его спугнуть.

Позвонили в дверь. Я подумал: «Какого черта?!»

Кажется, Софи усмехнулась.

На лестничной площадке опять перегорела лампочка. Я спросил:

– Кто?

В ответ прозвучало что-то невнятное – Димка пришел. Я глянул на часы: уже поздно, наверное, что-то случилось.

Выглядел мой друг помято-уставшим.

– Можно мне у тебя остаться?

Я ответил:

– Раздевайся, я гляну, что у меня можно съесть.

Я пошел на кухню, предвкушая задушевную беседу. Здорово, когда есть друг, которому не надо говорить «Конечно, можно», потому что он знает, что можно, а спрашивает так, для проформы. Я заметил, что Софи все еще здесь, и сказал ей:

– Поможешь мне с кофе?

Мне кажется, что в комнате становится теплее, когда она улыбается. Или на душе?

Димка тихо зашел и забился в угол:

– Там та-а-ак холодно, ты себе не представляешь.

– А ты не на машине? – я поставил на стол две громадные чашки не слишком противного кофе, бутерброды и еще что-то, что нашел в холодильнике.

– Не-а. Сань, а я из дома ушел.

Я подавился куском хлеба:

– Чего? Откуда ты ушел? Вы же живете в твоей квартире!

Нет, они с Анькой, конечно, периодически ругаются, но чтобы так, чтобы уйти из дома? М-да. Дима выглядел совершенно удрученным, я подумал, что он только сейчас осознал всю абсурдность ситуации.

– Ну и где твои вещи? Ты же с вещами ушел?

А в ответ – тишина.

– И надолго ты ушел?

– Вот, – сказал Димка, протягивая мне маленький меховой комочек. И только тогда я заметил, что он все это время что-то держал на коленях. Котенок. Крошечный, хорошенький котенок.

– Это вы из-за него поругались?

– Угу.

И тут я понял, Как Это Было. Дело в том, что мой друг время от времени отстаивает свои «законные права», среди которых встречались:

Право есть в комнате (1:0 в пользу Анны)

Право разбрасывать вещи по квартире (2:0)

Право расставлять пустые чашки «гденипопадя» (3:0)

Право на друзей-идиотов (7:3 – по количеству друзей, с которыми Димка все еще общается)

.....

Право не закручивать колпачок на зубной пасте (...:3).

Теперь, видимо, надо добавить:

«Законное право на котенка» (исход неясен).

Вот такой у меня друг, впрочем, в 90% случаев я согласен с Аней, и он, что характерно, тоже, но уже потом.

– И что она имеет против этого чудного создания?

– Сказала, что ей еще кота в доме не хватало, а он, Саш, между прочим, породистый.

Котенок действительно был прехорошенький.

Вот такой у меня друг. Он отличный парень и на него можно положиться, но Анька всегда найдет то место, где его можно поддеть и обидеть. И как у нее получается?

– Сань, возьми его себе, а? Жалко ведь котенка.

(Аня +1)

Я посмотрел – жалко. Ну что тут скажешь?

– А как ты его назвал?

– Кузя.

В дверь раздраженно позвонили.

«Аня», – подумал я, а Димка шикнул:

– Меня нет.

«Так она мне и поверит», – но я ему этого не сказал.

В подъезде все еще было темно.

– Кто?

– Открывай, я знаю, что он здесь.

Я открыл. Аня влетела, как шаровая молния, и сразу же бросилась на кухню. Если честно, я ожидал скандала и битой посуды, но все обошлось миром, правда, Кузя все-таки достался мне.

Вот такой у меня друг. Отличный парень. Подарил мне котенка.

Я предложил им переночевать у меня. И они согласились. Я был рад, что они остались. Мы сидели на кухне и болтали о всяком. Я смотрел на моих друзей и понимал, как же я одинок, как пусты мой дом и моя жизнь. Софи стояла рядом, она была очень печальна. Наверное, чувствовала себя лишней здесь, но она не уходила, я не хотел, чтобы она ушла. Я понял, что она нужна мне, прямо сейчас, на моей кухне, мне не хватает ее присутствия. Мне без нее слишком много места.

Я уступил веселой парочке свою спальню, выдав им чистую постель, а сам устроился в кабинете. Правда, им почему-то не спалось. Прошло, наверное, около получаса, может, чуть больше, когда Димка прокрался ко мне в кабинет.

Уверен, он был шокирован тем, что увидел. Он долго молча рассматривал царивший в комнате бедлам, подошел чуть ли не к каждой фотографии на стене, вытряхнул пепельницу в окно, сел в соседнее кресло и только тогда сказал:

– Я хорошо помню Соф. Мы все знали, что таких не за-

бывают. Было в ней что-то, правда?

Я кивнул. Что-то.

– Не думал, что все получится вот так.

– Да уж.

– Вы ведь здорово дружили одно время, а?

– Дружили.

Я как-то странно себя чувствовал. Я вдруг почувствовал, как же я устал. По-моему, я запутался.

– Сань, я только одного не понимаю, что ты с собой делаешь?

– Если бы я знал, Димка, если бы я знал.

– И это все из-за нее? – он кивнул в сторону папки, которая по-прежнему лежала на столе.

– Это все из-за меня. Дима, Дима, что я делаю, ради чего?

– Сань, послушай, выкинь ты все из головы. У тебя отличная работа, которую ты любишь, у тебя куча друзей, тебе 25, и чего ты убиваешься?

Если бы я знал, что ему ответить. Моя жизнь была не хуже многих, а кое-кто из моего окружения, и я это знал, с радостью поменялся бы со мной местами, но...

Я сказал:

– Присоединяйся.

Хотя не знаю, как я понял, что в дверях стоит Аня. Я подумал, что все-таки хорошо, что они здесь.

– Это Софи? Красивая.

Я кивнул.

– Очень красивая.

– Ты любил ее?

Я не ответил. Димка ляпнул:

– Учились мы вместе.

– За одноклассниками так не убиваются.

– Да не убивается он, что ты прицепилась?!

– Я не убиваюсь, Ань, просто мы были хорошими друзьями.

– М-м-м.

Люблю я Аню за то, что она всегда остается при своем мнении. Вот это «М» было сказано так, что я точно услышал: «Ну-ну, рассказывайте мне. Друзья, ага, а я тогда Екатерина Вторая Великая».

Димка махнул рукой:

– Да ну тебя. Ты ничего не понимаешь.

– А вы?

Черт, как все-таки она права. Я ничего не понимаю. Я не понимаю, что со мной происходит. Эта папка, эти письма, это просто бред! Я просто сумасшедший.

Было очень холодно. Мне казалось, Софи плачет. Она стояла у окна и плакала. Я точно знаю. Мне так хотелось сказать ей: «Не надо, пожалуйста, не плачь. Просто я запутался. Запутался». Но я молчал.

Димка сказал:

– Сань, а помнишь, как мы в поход ходили? Мы Софку все по очереди вели, потому что она падала везде, где можно

было упасть.

Он сказал, а я вспомнил:

– Да-да! Она ногу четыре раза подвернула. Мы ее потом еще всем классом прямо с рюкзаками в «травму» везли снимать делать.

– Ага. А помнишь, как она нам сочинения писала?

– А мы ей физику решали!

– Точно...

.....

Мы очень долго вспоминали Софи. Было здорово просто говорить о ней, о том, что нас связывало.

Аня смотрела на меня, не отрываясь. И уже утром, когда они собирались уходить, она сказала мне, пока Дима не слышал:

– Саш, нужно жить дальше.

– А что значит «жить», Ань?

Она не ответила. Что она могла ответить?

Софи пишет:

Никто не поймет,

Никто не услышит

То, чего я не скажу.

И только луна в окно мне дышит

И тихо катится к утру.

А сердце бьется,

Но еле слышно.

*Одиночество. Пустота.
И никто не поймет,
Ведь никто не услышит.
И, может, уж нет меня.*

Я знаю Софи. Если бы это были чужие стихи, она бы указала автора. Но тут... «и, может, уж нет меня»...

На клочке бумаги неровным почерком. Не думал, что Соф пишет стихи. Было около 11 утра, я позвонил Олеся. Я думаю, она уже устала удивляться моим звонкам, хотя...

– Доброе утро.

– Доброе.

– Олеся, а Соф писала стихи?

– Редко. И всегда рвала на мелкие кусочки, а что?

– Да так. Спасибо

– Мг.

Ту-ту-ту.

И, может, уж нет меня.

Но что со мной? Я не знаю.

Софи пишет:

Послушай, это Жизнь!

Послушай тишину моей пустой квартиры. Я сегодня выкинула все ненужное. Жаль, что так же нельзя поступить с моей жизнью – выкинуть все ненужное. Помнишь, как в той песне:

...Выкинуть хлам из дома и старых позвать друзей...

Я тоже могла бы старых позвать друзей, но не хочу. Впрочем, это я лгу, нагло лгу тебе. Так хочется закричать, завопить о том, что я тут, что я одна и мне некуда идти, но я слишком устала.

У Бродского есть такие стихи:

...Я сижу у окна, и я помыл посуду...

Я раньше не понимала их, но теперь... Это когда больше в жизни нет ничего, кроме этой самой посуды. Это как у меня.

...Я любил немногих, однако сильно...

Я любила одного, но слишком сильно, так сильно, что мое бедное сердечко не выдержало.

И ради чего кричать, кого звать, если единственный человек, который бы мог меня спасти, уже прочно забыл мое имя, да и это не столь важно... Он меня никогда не любил.

Послушай, это Жизнь. Это моя жизнь.

Ты слышишь слезы в моих словах? Нет? Тогда ты ничего не слышишь.

Софи».

Я вылетел на улицу. Не вышел – вылетел. Мне было ужасно тесно в моей квартире: мало воздуха. Я был один. Я был совсем один. Впервые за последние дни Софи оставила меня. Как же пусто стало! Но я понимал, что мне нужно это одиночество, потому что я схожу с ума. Потому что я не знаю, где моя жизнь. Я не знаю, кто я. Я не знаю.

Я сидел у подъезда, до которого раньше провожал Соф. Я сидел и думал: что же я здесь делаю? На этой скамейке. В этой жизни. Я был зол. И больше всего на себя.

Я смотрел на детей, которые играют во дворе. Я подумал, что среди них, возможно, есть и Лилит.

Я думал о прошлом. О том, что я несусь вперед с ужасающей скоростью, но вот куда я несусь?

Я поехал домой. Домой – туда, где моя мама приготовила куриный бульон на обед, а мой отец по-прежнему иногда курит трубку вечером, на окнах спальни все еще цветут фиалки, только окна поменялись, когда шесть лет назад родители достроили дом и переехали туда, оставив мне квартиру. Они оставили мне квартиру, а вот Дом они увезли с собой.

Я не думал об этом раньше.

Когда я приехал, мама удивилась и даже спросила:

– Сашенька, что-то случилось?

– А разве что-то обязательно должно случиться, чтобы я приехал?

А отец мой всегда был немного философом. Я приехал как раз к обеду – я это понял по запаху, моя собственная кухня уже давно забыла этот аромат, а я помню. Я долго слушал о том, что совсем не ем и скоро обязательно заработаю себе какую-нибудь гадость. Наверное, все мамы такие.

Тут даже есть моя комната, впрочем, она только называется «моей», потому что я крайне редко здесь бываю, а еще реже ночую, но все же она есть, «моя комната».

Каждый раз, когда я приезжаю, мы с отцом играем в шахматы. Одна партия. Абсолютная тишина и только стук маленьких резных фигурок по доске. Отец всегда молчит, когда играет. Он у меня немного философ, я, кажется, уже говорил? Я проиграл, впрочем, я часто проигрываю, но бывает и наоборот, хотя мы никогда не вели счет нашим партиям, мне кажется, отец играет лучше. А может, мне просто хочется, чтобы это было так?

Он сказал мне:

– О чем ты думаешь? Я вижу, тебя что-то беспокоит. Не расскажешь?

И я рассказал. Не о письмах, нет, не о Софи. О том, что я не знаю, что происходит с моей жизнью, что я с ней делаю, на что трачу. Отец сказал:

– Тебе еще рано подводить итоги, сын. Еще не пришло твое время собирать камни.

Я сказал, что, наверное, все разбросанные мною камни попали аккурат в людей, для которых я что-то да значил, раз теперь мне никто и не звонит, кроме Димки.

Отец усмехнулся:

– Да ты у меня меткий, оказывается!

Мы помолчали немного, а потом он вдруг спросил:

– С чего бы это?

Я промолчал, не думаю, что он ждал ответа.

– Знаешь, сын, это хорошо, что ты задумался. Я боялся, что ты разучился это делать.

– Отец, что это?

– Линейный мат, – ответил он, отрывая взгляд от доски.

Думаю, он просто не хотел отвечать. А ждал ли я ответа?

Я не спросил у него больше ничего.

Я решил остаться дома до утра. Я долго смотрел в окно из «своей» комнаты и думал, думал. Почему-то вечер спускался очень быстро, наверное, я просто был слишком погружен в себя. Я думал о Софи.

Я шевелил губами в темноте:

– Софи... Софи...

Я вспомнил вопрос, который задал Сергею в самом начале: «Как она умерла», и сам ответил:

– Перестала жить.

Соф просто больше не хотела жить. Говорят, у близнецов так бывает: умирает один, и за ним второй. Но девочки не были близняшками. Джули была старше. Неужели причиной всего стал «глупый мальчишка», как сказала Софи, автомобильная авария, в которой погибли родители Лилит? Но зачем тогда столько слов о несчастной любви? Нет, она ушла, потому что ее никто не держал. А Лилит, а семья? Что же случилось?

Мне почему-то виделась Софи, стоящая у обрыва. Я подумал, что кто-то должен был подтолкнуть ее – сама бы она не прыгнула.

Я спал неровно и тревожно. Просыпался и снова проваливался в сон. Обрывки картинок мелькали перед глазами, яр-

кие и звонкие, до боли. Лишь под утро я немного успокоился. Помню, мне снился сон, нормальный, человеческий сон:

Я шел по осеннему парку. Было тепло и солнечно, но почему-то пусто. Только на одной скамейке сидела девушка в легком летнем платье. Я подумал: «И не холодно ей?» Она что-то читала очень увлеченно. Я подходил все ближе. Я заметил улыбку на ее лице, легкую, как бабочка. Я был совсем близко, я понял, что знаю ее. Она встрепенулась, как испуганная лань, и вскочила с места. Я узнал ее. Я ей крикнул:

– Софи!

Она засмеялась. Она смеялась громко, но мне показалось, что горько. Софи подошла ко мне, а я не смог сказать ей ни слова. Она была совсем близко. Она провела рукой по моему лицу, улыбнулась и ушла. Она быстро уходила по аллее, я не мог сдвинуться с места. Я лишь бросил взгляд на скамейку, где она сидела. Там осталась книга в синем с золотом переплете. Я не видел названия, но подумал, что знаю, где можно ее найти.

Утром я отправился к Олесе с одной целью – выпросить ключи от Софиной квартиры.

Глава следующая

Ключ легко повернулся в замке. Я вошел и закрыл за собой дверь. Было неуютно в этой пустой квартире. Мне казалось, я вор, вандал, который ворвался в заброшенный храм,

все еще хранящий свои святыни, чтобы разрушить, осквернить его. Но нет, я лишь путник, впрочем, я действительно искал нечто важное и ценное, по крайней мере, важное и ценное для меня. Маленькая книжечка в богатом синем переплете с золотыми вензелями. Я бы, наверное, не сделал и шага от двери, но я чувствовал, я повторял себе, что Софи ХОЧЕТ, чтобы я нашел ее. Я фанатик. Я фанатично поклоняюсь божеству этого храма.

Софи. Я сказал:

– Здравствуй, Софи.

И тишина отступила. Она удивленно сделала шаг назад, пытаясь понять, что же я задумал. Она не доверяла мне, следила из углов, но не подходила ближе – ее пугали звуки моих шагов.

Я изучил книжный шкаф (Софи всегда много читала), но, увы, не нашел ее там. Я перелистывал книги, погружаясь в тайный мир ее жизни. Я перечитывал строки, аккуратно подчеркнутые ее карандашом, и абзацы с Nota Bene на полях. Я понял, что искала она на сотнях прочитанных страниц: Жизнь, суть, сущее, существенное, вдохновение и любовь. Соф искала любовь в чужих мирах, надеясь призвать ее в свой.

Я пошел дальше. Мне казалось, что время здесь не течет или течет, но как-то совсем иначе, что за стенами лишь бескрайний океан небытия, а дверь – вход в иную реальность. Я рассматривал снимки, я проникал в чужие жизни с одной це-

люю – соприкоснуться с Жизнью моей Софи, Жизнью, которая застыла на 80 квадратных метрах, или сколько их здесь? Я блуждал от полок к журнальным столикам и диванам, где были разложены любимые книги – их так никто и не убрал. «Не та, не то».

Перед моими глазами всплывали и таяли картинки тихих вечеров и долгих ночей. Пустая чашка все еще стояла у кресла.

Опускались ранние сумерки. Я сидел в кабинете, листая сборник Токубоку:

*«И лишь из-за этого
Умереть?»*

*«И лишь ради этого
Жить?»*

Оставь, оставь бесполезный спор.

Было трижды обведено жирной рамкой.

Я отложил невзрачную книжечку и подумал, что вряд ли найду то, за чем пришел, когда почувствовал, как Софи осторожно коснулась моего плеча. Я почувствовал ее мягкий взгляд и легкую улыбку и как же остро я почувствовал необходимость видеть ее! Но, увы.

«Я еще в столе не смотрел», – подумал я, наверное, Софи подсказала.

Нижний ящик рабочего стола открылся легко. Он был практически пуст: синяя книжечка, та самая, с золотыми вензелями – почти старинный фолиант и белый конверт, а

на нем два слова: Алекс Волков.

Сердце замерло, а потом застучало в груди так громко, что я не слышал ничего, кроме его мерных ударов.

Конверт не был запечатан и даже не письмо внутри – открытка и слова:

«Алекс Волков! Вы определенно забыли старых Друзей, но я вам прощаю это.

Надеюсь, мой скромный подарок улучшит вашу память. Храни главное, Саш.

Софья Милая».

И дата: *«Год спустя».*

Должно быть, первая встреча выпускников. Я не пришел.

Я держал книгу в руках, не смея открыть, и бродил по комнате. Кругов через десять я все-таки заставил себя сесть. Помню, я болел такими книгами, я покупал их и тащил домой независимо от содержания. А сейчас я чувствовал под пальцами уже теплую узорчатую поверхность и гадал: что там?

Я открыл. Вместо автора, редактора с иллюстратором и количества экземпляров там красовалось наше фото. Мы стояли в обнимку и улыбались во все 32. Я помню это фото: мы только что сдали историю – выпускной экзамен, а Софи в том самом летнем платье... и подпись:

«Дорогому другу. И просто человеку, которому есть что сказать»

И чистые листы. Плотные, скрипучие листы. Почти ста-

ринный фолиант. Я слышал голос Софи у меня за спиной:
– Это тебе.

Я не сошел с ума, я слышал, и тишина, зазвенев, разбилась тысячей осколков – приветствовала хозяйку.

Мне вдруг стало одиноко, ужасно одиноко. Я забрал находку и ушел. Я стоял у двери и чувствовал спиной, как тишина удивленно смотрела на меня из углов, столов и ящиков. На обоях между двух фотографий ее мелким почерком было написано:

«...Жить можно врозь. И даже не звонить.

Но в високосный будь с друзьями рядом.

Л. Филатов».

Я даже знаю эти стихи.

Я ушел, дважды провернув ключ в замке. Я чувствовал, как облегченно вздохнула тишина, укрывая хрупкий мир, хранимый ею, и подумал: сколько таких строк я не заметил между снимков? Я подумал: столько тайн потерянной души мне никогда не постичь?

Я сел в машину. Софи сказала:

– Поехали домой.

Конец

Иногда тишина вокруг становится осязаемой, она давит, не дает произнести и слова.

Со мной было так. У меня была сотня слов, чтобы сказать

их Софи, но я молчал. Иногда я говорил что-то совершенно неважное, когда мне становилось страшно, что я разучился говорить. Мой собственный голос казался мне далеким и чужим, словно звучал где-то там, с другой стороны. С другой стороны чего? Оконного стекла? Моей жизни? Реальности?

Ровной, плотной стеной сыпал снег.

– Какая странная зима, правда, Софи? – зачем-то спрашивал я, не смея задать стоящий вопрос. Наверно, боялся услышать ответ.

– Снежная, – говорила она спокойно.

– Беспорядок у меня здесь, правда? – отшучивался я, обводя взглядом кабинет, скорбно освещенный настольной лампой.

– И в голове тоже.

Не знаю, как назвать этот неясный внутренний порыв, но я вытряхнул пепел и выкинул мусор, вернул книги на полки, да и вообще...

И все бы ничего, но простая картонная папка мозолила глаза на журнальном столике.

– Почти пустая, – заметил я. Софи ответила:

– Почти.

– Прочесть?

– Прочти, – ее голос был спокойным и даже совсем не печальным.

Я вдруг подумал: может, это просто эхо?

Я читал. Одно письмо, второе, третье... и каждое прибли-

жало меня к последнему. И в каждом я слышал ее голос.

Софи говорила:

«Послушай, это Жизнь!»

Моя жизнь – эта осень. И ничего больше. Я слышу ее, я ее ощущаю. Я держу Лилит за руку и чувствую ее жизнь. Знаешь, чем мы различны с ней больше всего? Знаешь, чем я отличаюсь от Них – людей вокруг? Я отвечу тебе, потому что Я открыла эту истину.

Я слышу Жизнь.

Они – Живут...»

«...Я говорю тебе – Послушай, потому что ты тоже мертва...»

Возможно, мое сердце бьется, но Жизнь покинула меня...»

«...Я устала делать вид, что счастлива, больше не хочу лгать себе и улыбаться отражению в зеркале. Какой самоуверенной я была! Как гордо говорила: «Я забыла его!» И вздрагивала, услышав его имя...»

«Мой любимый, вы как пощечина, как прикосновение к оголенному нерву моей души. Зачем вы опять здесь, в моей жизни, когда я едва успела научиться не думать о вас, когда душа моя и так тихо умирает, отравленная горьким ядом безысходности...»

«... Я вновь и вновь переживаю эти минуты, Джули, минуты, когда я поняла: меня уже нет...»

«...Все вокруг стало легко и просто. Все встало на свои

места столько лет спустя – мы просто не вместе. Я просто ему не нужна. А мне не нужна такая жизнь – чужая жизнь...»

«...Я теперь свободна. Свободна от мертвой надежды. Я наконец нашла силы похоронить ее...»

«...Джули, я все решила. И не смей судить меня. Меня уже осудили. Высшие силы...»

«...Послушай, Джули, это Жизнь. Я хочу запомнить ее и унести с собой...»

«...Послушай, Джули, это Жизнь. Откинь все лишнее и ненужное и послушай. Жизнь прекрасна. Каждое мгновение... я больше не хочу отравлять ее своей болью...»

Я вытащил последний лист и замер – Я. На дне серой папки лежало мое фото. Осознание холодным лезвием скользнуло по картине моего мироздания, разрезая, разрывая все, что составляло непреложные истины моего бытия. Я? Как высказать то, что я почувствовал? Не знаю, даже сейчас, спустя столько дней и событий, я не знаю, как высказать боль, пронзившую мою душу.

В странном забвении глаза послушно скользили по строчкам последнего письма, которое, я знал, окончательно подтвердит то, что и так было очевидно. Последнее письмо, написанное ее мелким, все время спешащим куда-то почерком:

«Здравствуй, Джули. Нет, я не сошла с ума, просто я не

знаю, кому еще я могу рассказать то, что намерена доверить тебе.

Думаю, ты не удивишься, узнав, что 1 сентября я была в парке. Даже твоя смерть, сестричка, не смогла удержать меня дома в этот день. Но впервые я не радовалась наступившей осени, не видела еще такого знойного солнца, спрятавшись от него за темными очками, и особенно остро я ощущала свое одиночество.

Не знаю, сжалилась надо мной Жизнь или наказала, но я снова видела Алекса. Как и три года назад, он сидел на той же лавке, так же задумчиво смотрел на важно воркующего голубя и снова не видел меня. По-моему, он даже был с той же девушкой. Ах да, он был не один. Она держала его за руку и смотрела с такой надеждой... Мне показалось, однако, что они ссорятся. Что ж, милые бранятся – только тешатся.

Всего миг, один щелчок – и он навсегда останется со мной. Я смотрю на снимок и понимаю: он все тот же. Это его я никак не могу забыть.

В те короткие минуты мой мир перевернулся, и все встало на свои места.

Вот он – живой, любимый, не мой. И жизнь его не изменится, если вдруг не станет меня.

Узнав о моей смерти, он коротко вздрогнет и, возможно, немного опечалится, лицо его станет суровей и жестче – таким я его видела вчера, он вспомнит глупую девчонку,

Софью Милую. Глупую девчонку, а другой он и не знал. Да и когда он узнает? Через год? Или два? И то случайно. Натолкнувшись на кого-нибудь из одноклассников, он спросит из вежливости или праздного любопытства:

– Что нового?

И услышит в ответ:

– Коля женился, Танюха родила, а Люда уже двоих, Витек развелся и укатил за границу, от Юли Сазоновой ничего не слышно, пропала совсем, прям как ты. Ну и Софи... Софи умерла. Впрочем, ты знаешь, конечно.

Он промолчит сначала, а потом коротко ответит:

– Откуда?

Действительно, откуда? И они разбегутся, бросив напоследок ничего не значащие слова: «Ну ты не пропадай, хорошо? – Конечно!»

Понимаешь, Джули, я смотрела на него и понимала, что больше не хочу кричать ему вслед, стучать в его дверь и слушать длинные гудки, набрав его номер, который я никак не выкину из головы.

В его жизни для меня нет места, да и кто сказал, что оно должно быть? И только я по-прежнему не мыслю своей жизни без него, как бы я ни лгала себе и другим, что счастлива, что живу, что оставила Александра Волкова в прошлом, там, где ему и место. Нет, нет, сколько бы я ни лгала, моя душа все еще живет только своей призрачной надеждой. Просто никакая ложь не может изменить реаль-

ность, особенно если в нее не верить. А я знаю правду, мы обе ее знаем, правда, Джул?

Мне теперь стало легко. Мне стало легко от мысли, что я могу уйти тихо и незаметно, не причинив ему боли, не задев его жизни. Мое место рядом с ним, мое место занято. И было занято всегда.

Уверена, ты смотришь на меня с упрёком: а как же мама, отец, Лилит, да и Сергей в конце концов? Конечно, ты права, но... Но все же, все же человек имеет право на счастье, имеет право жить ради себя, а я, я живу во имя чужого покоя. Когда я была счастлива? Теперь уже не буду. Так почему же я не могу обрести хотя бы покой?

Боишься, я наложу на себя руки? Ты ведь знаешь, что нет.

Я смотрю на листья клена прямо надо мной – пышная зеленая крона отбрасывает густую тень на плиты аллеи. Они уже умирают. Уже умирают, раз Осень пришла сегодня. Просто осень пришла. Если жизнь хоть сколько-нибудь милосердна, я уйду, как осенний лист. В молчании осени.

Ты скажешь, что глупо считать себя обреченной в 25? Ты права. Вот только ты не я. Никто не я. А значит, не вам судить о моей Жизни.

Прости за резкость.

Я ухожу налегке, оставив груз сомнений и надежд, ухожу по шумной аллее вдаль, щурясь от еще такого знойного солнца.

И я свободна. И я мертва.

Послушай, Джули, это Жизнь.

Это моя Жизнь. Такая, какой она была.

Софи».

Я читал, еще раз и еще, пытаюсь сопоставить эту новую истину с моей реальностью. Я отыскивал в памяти первое сентября уже прошлого года, глупого года. Что было тогда? Кажется, я действительно был в парке, я был в парке с Мариной. Марина. Прошло чуть больше недели, и она покинула мою квартиру, мою жизнь.

Я перечитывал эти строки вновь и вновь, требуя у своей памяти все новые детали, ненужные подробности и давно забытые слова. Я вспоминал в безотчетном стремлении найти ошибку – доказательство того, что это был не я, что Софи обозналась, а еще лучше, что был в ее жизни еще один Александр Волков – не такая уж редкая, в конце концов, у меня фамилия.

Взгляд упал на фото – я взвыл. Нет, все верно. Я был там, и Марина, держа меня за руку, смотрела с такой надеждой. Это был последний наш «серьезный разговор», и скоро она уйдет. Я даже помню, о чем она говорила, впрочем... Я уже знал, к чему она клонит, и не собирался ее удерживать. А голубя не помню, вполне возможно, он там тоже был. Как я мог не заметить Софи? Легко.

В одном она ошиблась: три года назад она видела меня с

другой девушкой. Впрочем, это, конечно, не меняет сути.

Я вдруг понял, что Софи больше нет. Нет со мной. Я дышал спокойно и ровно, словно безумие, владевшее мной, меня покинуло. На смену пришло бессилие.

Я вспоминал Софи, спокойную и печальную. И эти слова – «уйти незаметно».

* * * * *

Я стоял в старом парке. Я стоял там, именно там, где не увидел ее в последний раз. Я стоял, опустив руки и поднося лицо к небу. Сыпал снег ровной стеной и, касаясь моего лица, становился дождем. Мелкими каплями, словно осенняя морось, какая бывает у нас иногда в январе. Мои глаза были закрыты. И я видел. Видел Софи, не такую, какой она была, но ту, которую я помню. Всегда немного странную, но ужасно милую. Такую, какой больше нет. Какой, возможно, никогда не было.

И я не мог понять странного чувства вины, подло крадущегося у меня за спиной. Оно выползло из-за заснеженных деревьев и осторожно подбиралось ко мне.

И я не мог понять странной пустоты вокруг. Но еще сложнее было смириться с пустотой внутри. В моих мыслях. Что теперь? Вот я узнал все. Все, что хотел, и даже немножечко больше. И что дальше? Что дальше? Что?

– Саша? – мягкий женский голос из призрачной дали, находящейся за пределами моего мира, мира, куда я не хотел

никого пускать. Но он был настойчив, этот голос.

– Саша, – повторил он, как бы утверждаясь в мысли, что это все-таки я. Я молчал. Мои закрытые глаза были обращены к небу, мой взор был устремлен в никуда.

– Саша! – Олеся тряхнула меня за плечо, заставляя обратить на себя внимание. Я смотрел на нее, но в мыслях по-прежнему царил тишина. Я не знал, что должен сказать сейчас. Не знал, что говорить и как. Я не знал, стоит ли.

– Что ты здесь делаешь? Пошли домой, пошли, я говорю! – она взяла меня за руку и потянула за собой. Я шел, медленно переставляя ноги, думая, чего же хочет от меня эта маленькая девочка, зачем упрямо тащит туда, где я меньше всего хочу находиться. Разве она не понимает, как тяжело туда возвращаться? Разве она не чувствует, как стены давят и глядят с укором? Разве... а впрочем, откуда ей все это знать?

Она отпаивала меня каким-то особенным кофе и долго молчала о чем-то.

– Ты все знала с самого начала, – медленно и тихо сказал я.

Так же медленно и тихо она ответила:

– Саша, что «Все» и где у тебя «Самое начало»?

Я поднял на нее, как мне казалось, пустые бессмысленные глаза:

– Ты знала, что Софи любила меня, – я сделал ударение на слове «меня».

Она была невозмутима, однако я чувствовал смутную тре-

вогу в ее движениях и чуть дрогнувшем голосе:

– Конечно.

– Ты все знала. Знала, – я смотрел на нее и смеялся недобрым смехом. – Знала, Олеся, ты Знала! – это была истерика, это было открытие, это было... была тупая боль бессилия.

– Что все?! – выкрикнула она мне в лицо, вдруг теряя свое непоколебимое равновесие. – Что все, Саша? Что я знала? Что она любит тебя? Да это знали, по-моему, все, кроме тебя! Да у нее глаза горели, если ты оказывался рядом! Знала, знаю я, что она тебя Любит, как ненормальная! Что я еще должна была знать?!

– Ты не сказала, – медленно растянул я. «Ты не сказала, – думал я. – Ты заставила меня... или так было нужно? Чтобы я понял... сам понял... кому нужно?» – мысли ворочались в моей голове, многотонные, неповоротливые, словно каменные глыбы.

– Как ты понял? – как бы между прочим спросила она, окончательно придя в себя.

– Папка, помнишь, я говорил?

Она кивнула:

– Софин дневник, должно быть.

– Соф вела дневник? – без интереса спросил я. Что-то щелкнуло внутри, что-то, что погасило свет.

Она нервно передернула плечом и бросила:

– Иногда. Когда было совсем плохо.

– А ты знала, что ей совсем плохо?

– Я же говорила: мы поссорились тогда, – невнятно фыркнула она.

Я молча кивнул, понимая, что мне нужно время, чтобы справиться с этой моей новой реальностью. Я смотрел в ее глаза, полные жалости и сомнения, я смотрел, как осторожно она покусывает краешек губ, я смотрел, как отводит она взгляд и мнетя, терзаемая неведомыми мне противоречиями и думал...

– Что дальше? – зачем-то спросил я вслух.

– Дальше – Жизнь, Саша, дальше – Жизнь.

Уже у двери Леся вдруг сказала:

– Я выхожу замуж.

– Ты? Замуж?

– Удивлен? – усмехнулась она. – Вот, держи.

Она протянула приглашение на свадьбу.

– Второе февраля?

– Да, еще почти месяц.

Я усмехнулся, глядя на имя жениха:

– Еще один Сергей?

Она пожала плечами:

– Так вышло.

– Да уж, бывает, – я обнял ее на прощанье. – До встречи.

– До свидания, Саша.

Она ушла, а я остался один на один с Жизнью. С моей Жизнью.

Жизнь

Я хорошо помню январь, долгий, вязкий месяц. И дело даже не в слякоти растаявшего снега, нет, отнюдь. Я помню чувство пустоты, царившее внутри меня весь этот долгий месяц.

Я вдруг увидел свою жизнь в другом свете, хотя и это не совсем верно. Я, наконец, Увидел свою жизнь. И то, что предстало передо мной, было серым и унылым, как пасмурное утро января.

Чего лишился я? Легкости полета? Свободы дыхания? Не думаю. Я открыл глаза, вдохнул полной грудью, расправил крылья и понял, что мне некуда лететь.

Одиноким волком я рыскал по городу в поисках пути, моего пути, но, увы, что-то изменилось в моей картине мироздания: треснуло, рухнуло, исказилось. И мне больше некуда было идти, потому что не ждали, вернее, ждали, но не меня.

Каким я стал? Кем я был? И так ли изменился я? Но я изменился. Или только голос стал тише? Нет, еще взгляд тяжелее, а это уже что-то да значит.

Я думал, искал причины, истоки, предпосылки. Я перечитывал письма Софи, каждый раз спрашивая себя: «А моя жизнь? Что моя жизнь?» И не находил ответа. Я перелистывал чистые страницы почти старинного фолианта и не знал, чем их заполнить. Мне больше нечего было сказать.

И я спрятался. Спрятался надежно. От самого себя. Я оку-

нулся с головой, как в ледяную воду, в то, что привычно называл своей жизнью. В тихое умирание. Изю дня в день.

Это сегодня я размышляю так. Но январь... это был ужасный месяц. Его отголоски до сих пор звучат во мне, когда я остаюсь наедине с воспоминаниями тех вечеров и ночей.

Каждый день, возвращаясь в свою пустую квартиру (потому что даже Кузю я отдал маме), я смотрел в зеркало в прихожей, мысленно снимая маску с лица. Я смотрел себе в глаза, но тут же отводил взгляд. Я не мог быть честен даже с самим собой, ведь иначе пришлось бы признать то, что теперь было очевидным: я не живу. Я доживаю.

Таким был январь. Впрочем, одно событие все же заслуживает особого внимания. Событие это зовут Марина. Однажды я видел ее, случайно. И знаете что? Она была счастлива. На ее лице играла мягкая улыбка, та самая, в которую я влюбился однажды, а я, я видел Софи. Ее черты, ее голос, как вуаль, покрывали чужое лицо. Марина спросила: «Где ты? Ты меня слышишь?» Я вздрогнул и совершенно искренне сказал:

– Я далеко. Прости, я спешу.

Я ворвался в свой дом, как ветер. Пролетая мимо зеркала, отметил улыбку на своем лице, такую печальную, такую честную.

До сих пор наизусть помню каждое слово, которое я написал тогда в своем новом почти старинном фолианте:

«Послушай, это Жизнь! Закрой глаза и послушай: за

этим шумом дорог, за криками и воплями улиц я слышу Жизнь, и знаешь, она похожа на биение твоего сердца.

Здравствуй.

Здравствуй, Софи, моя милая. Моя.

Я пишу тебе, чтобы сказать много больше, чем способно передать слово, тысячи слов. Как выразить то, что открылось сегодня, не моему взгляду, но моей душе, такой пустой, такой одинокой?

Я хочу сказать тебе: Прости. Не буду перечислять все, отмечу лишь главное. Прости за то, что я не жил. Как слеп и глуп я был. Глупый мальчишка. Ты права, тысячу раз права.

Откровение всегда приходит к нам внезапно, используя мелкий, ничего не решающий сам по себе повод. Так было со мной.

Пощечиной жизнь ворвалась в мое существование двумя привычными словами: Люблю тебя.

И говорите мне: глупо, безрассудно, бессмысленно. Я не слышу вас.

Ты, моя милая Софи, подарила мне жизнь. Я живу тобой. И не иначе.

Послушай, это Жизнь. Твоя жизнь течет во мне.

Алекс Волков».

Последняя

В обнимку с букетом роз я вошел в холл. До торжественной церемонии оставалось не так много времени, и людей было даже больше, чем я ожидал, давно не был на свадьбах.

Олесю я увидел сразу и, сделав шаг навстречу, замер...

Софи. Она стояла рядом. Нет, это не бред сумасшедшего. Она смеялась, она сияла, она была здесь. Легкая, нежная, прекрасная, как утренняя звезда.

И она была Жива, понимаете? Жива! Абсолютно, окончательно и, несомненно, Жива.

И мне было все равно, чья это была злая шутка – жестокая игра в Смерть. Все равно, зачем сегодняшний жених пришел ко мне однажды с потрепанной папкой, таившей душевные переживания Софи. Мне было совсем не интересно, кто и как провернул эту аферу, а впрочем, я, конечно, догадываюсь, что во всем этом замешана девушка в белом, но разве это имеет значение? Однажды все встанет на свои места: письма, фотографии, удивленные лица, но сегодня – не важно, все это не важно...

Ведь она здесь, моя маленькая Софи. Плевать, что она знает о тех месяцах, которые я провел, скорбя об утрате, плевать, знала ли она с самого начала или действительно удивлена, видя меня здесь.

Софи, моя малышка. Моя глупая девочка...

Сердце неровно стучало в висках. Я подошел, пожалуй, слишком близко. Я смотрел в эти глаза, самые дорогие, и видел Жизнь, не мою, не ее, а нашу, слышал ее легкое дыхание.

«Нет, теперь уж точно не потеряю», – подумал я. И не сказал
ничего, кроме
Здравствуй.